

ГАЛИНА РОМАНОВА

БЕЗ КРЕСТНОЙ ФЕИ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Без крестной феи

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Без крестной феи / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2021 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-120548-5

Маша работала гардеробщицей в торговом центре и привыкла наблюдать за людьми. Ее внимание уже давно привлек странный парень, следивший за потрясающе красивой девушкой. И однажды вечером Маша заметила, как он тащит упирающуюся девушку в парк! А вскоре она узнала страшную новость: в лесочке возле загородного поселка прямо на лыжне было найдено обнаженное тело убитой девушки. Маша поспешила заявить в полицию, даже не подозревая, что может ошибаться. И теперь ее собственная жизнь в опасности... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120548-5

© Романова Г. В., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Владимировна Романова

Без крестной феи

© Романова Г. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

До Нового года оставалось чуть меньше двух недель. Судорожные метания по магазинам в поисках до сих пор не купленных подарков и необходимых к торжеству продуктов грозили перерасти во вселенскую катастрофу. Каждый вечер город застывал в многокилометровых пробках. Некоторые, оставляя машины на стоянках, предпочитали городской транспорт или метро. Стоя плотными рядами в вагонах и автобусах, люди задыхались от запахов чужого пота, мокрой шерсти вязаных шапок, пропитанных влагой перьевых курток и промокших кожаных ботинок и сапог. И это было не меньшим испытанием, чем невроз в собственной машине, прочно застывшей у чужих задних фонарей.

И то, и другое было скверно. Это портило настроение, подтачивало здоровье, грозило обесценить главный праздник в году.

Люди сердились на городские власти, расположившие торговые центры не там, где надо, на погоду, засыпавшую город снегом. Колеса утопали в бурой каше, машину таскало, стекла и зеркала покрывались коркой, и «незамерзайка» уходила ведрами.

Люди сердились на цены, взвившиеся в канун праздника. На продавцов, смотревших недобро. На других покупателей, выхвативших из-под носа тот самый последний недорогой, но достойный, по отзывам, блендер, который пошел бы в подарок двоюродной сестре твоей девушки.

Люди сердили друг на друга: на мужей и жен, сестер, братьев, детей и тещ со свекровьями. Они суетливо перемещались в огромном человеческом муравейнике, затапывая своей бегом самое важное, бесценное – предвкушение таинства.

Он ничего такого не делал: не бегал, не выхватывал из чужих рук, не сердился, не стоял часами в пробках, не нюхал мокрых шарфов и курток. Он гулял, наблюдал, ждал. И был от этого счастлив.

Он везде перемещался пешком, особенно в последние дни. Он шел в парк, раскинувшийся в паре километров от его дома. Ходил по расчищенным дорожкам. Подолгу смотрел на елки. Под толщей снега еловые лапы отяжелели и безвольно повисли. Деревья напоминали ему старых баб с обреченно опущенными руками и никогда не казались ему красивыми.

Такой была при жизни его мать – уставшей, унылой, безвольной, некрасивой. Она не хотела и не пыталась бороться никогда и ни с чем. Она позволила своему бывшему мужу – мерзкому, жесткому, лишенному любых человеческих достоинств чудовищу – забрать его у нее. Единственного ребенка, смысл ее жизни, единственное существо на земле, которое ее по настоящему любило.

– Прости, миленький, – шептала она сквозь слезы в дни редких свиданий с сыном. – Прости меня. Тебе с ним будет лучше. Он даст тебе достойную жизнь. Он даст тебе образование. Ты вырастешь, станешь достойным человеком. И когда-нибудь сможешь простить меня...

Он так ее и не простил – не успел. Мать умерла: от болезней, одиночества, нищеты. Она не пыталась бороться со всем этим: как следует лечиться, найти себе кого-нибудь, устроиться на достойную работу. Она жила, как насекомое, и все ждала, что придет кто-нибудь сильный и прихлопнет ее, уничтожив ее бесполезную, никчемную жизнь.

– Твоя мать издохла от голода, – сообщил ему папаша за воскресным обедом.

Походя, как бы между прочим. Жрал огромный ростбиф с запеченными овощами, чавкал и говорил в этот момент о ее смерти. Голодной смерти!

– А знаешь почему? – спросил папаша и поднял на него тяжелый взгляд ледяных змеиных глаз.

Его щека была раздута, а за ней – огромный кусок мяса и целый кочанчик цветной капусты.

– Потому что не ела, – ответил он, пристально глядя на раздувшуюся щеку отца.

– Не, потому что дура. – И он продолжил жевать, набивая толстый живот продуктами, которых матери не хватило, чтобы выжить. – Была бы умная, попросила бы помощи. Нашла бы работу. Я бы помог. А она дура, потому что гордая. Вот в гордости своей и сдохла. И кому, скажи, от этого хорошо?

– Никому, – ответил он, задумавшись.

Ему лично от этого было уже никак. Мать на тот период совсем перестала с ним видаться.

– Так будет лучше, дорогой, – сообщила она ему пару лет назад по телефону.

Мать не уточнила кому, но понял, что всем. Ей не придется хлопотать и добиваться свиданий с сыном, а перед этим тщательно приводить себя в порядок. Его отцу – делать вид, что он рад встрече матери и сына. Ему самому – изображать сыновнюю любовь. На тот момент он совершенно охладил к матери...

Он везде в последние дни ходил пешком. Перемещаться на машине не было никакой возможности, а ездить общественным транспортом он не любил. Сейчас его выручали ноги и длительные тренировки, которые его отец проводил с младых ногтей. Поначалу для него это было пыткой, а потом втянулся и сейчас уже без этого не мог.

Он преодолел достаточно большое расстояние от стоянки, где оставлял машину, до торгового центра в рекордно короткое время и даже не запыхался. Лишь приобрел красивый румянец и понравился себе в зеркале гардеробной, куда сдавал спортивную куртку и шапку.

– Возьмите номерок, пожалуйста.

Молоденькая девушка с изможденным серым лицом протянула ему кусок пластика с выбитой цифрой и тут же потянулась за одеждой других посетителей торгового центра. Он отошел в сторону, но еще минуты три наблюдал за гардеробщицей.

Что заставило ее в неполные двадцать лет работать именно здесь? Неумение устроиться в жизни? Или нежелание? Не поступила в институт и боится признаться родителям? И тягает теперь чужую мокрую от снега одежду, тащит ее от стойки до вешалок, аккуратно развешивает на плечиках. Старательная? Да, даже очень. Влажные от снега куртки вешает отдельно от меховых полушубков и светлых пальто. Но почему она именно здесь нашла применение своей аккуратности и старательности? И откуда такой землистый цвет лица? Болеет? Недосыпает? Недоедает?

Стоило ему подумать об этом, как сразу затошнило, а потом на смену тошноте пришел зверский аппетит. Он отошел от гардеробной метров на десять и остановился возле колонны, облицованной зеркалами.

«Он хорош?» – задался вопросом, рассматривая себя с ног до головы.

Ответ родился сам собой: «Он великолепен».

Высокий, гибкий. Мышцы играют при каждом его шаге, но не той тяжеловесностью, как у качков, а упругой скрытой силой. Он мог бы с легкостью, стоя у подножия эскалатора, запрыгнуть почти на середину, даже не напрягаясь. Единственное, что потребовалось бы, – точка опоры.

Точка опоры...

Ее ему не хватало, это факт. И не о спорте речь. О жизни.

Мать его отдала, решив за всех: кому будет лучше, с кем и как долго. Папаша этим «лучше» так и не стал. Муштровал его изо всех сил. Детство прошло, как на плацу. К чему готовил, так и не сказал: скончался от сердечного приступа прямо на фирме. Завещал все ему, хотя и грозился неоднократно, что найдет каких-то там племянников, они его дело и продолжат. Чувствовал, старый козел, что он не станет его преемником в бизнесе. Понимал: ему это неинтересно.

– Все спустишь, гаденыш. Знаю. Вижу по глазам, что неинтересны тебе никакие грузоперевозки...

Конечно нет. Неинтересны. Он продал бизнес отца сразу. Как вступил в права наследования, так на второй день и продал. Выгодно, очень выгодно! И хорошо распорядился средствами. Живет теперь обеспеченно, не особенно заботясь о завтрашнем дне. Знал: он безбеден и не голоден – завтрашний день. И долгие годы будет так. Никто не посмеет посягнуть, потому что все было сделано грамотно.

Все у него замечательно. Но вот точки опоры, той самой, о которой пишут, слагают вирши и песни, у него нет.

– Жениться вам надо, барин, – посмеялся вчера над его скукой начальник охраны. – Иначе никак...

А на ком? На ком жениться? Кругом одни шлюхи алчные, неверные, избалованные. Или безвольные, голодные, с серыми замученными лицами, как у гардеробщицы. Он обернулся, искал ее лицо глазами, но за спинами желающих сдать верхнюю одежду не увидел. Народу было много, очень много. И это хорошо. Самое время для поисков. Самое время. Но для начала надо поесть.

Он не стал присаживаться за столик, а просто встал у колонны и начал жадно откусывать от булки с котлетой. Под котлету он позволил положить только лист салата, и все: никаких соусов, огурцов или лука. Это лишнее.

Еда была невкусной, но она позволит ему не ощущать голода в течение двух-трех часов. И место он выбрал самое удобное. Мимо проходили десятки мужчин и женщин всех возрастов, не обращая на него внимания. Стоит себе чужак, давится булкой, смотрит рассеянно по сторонам. Они не подозревали, что рассеянность эта была наигранной, усыпляющей бдительность. На самом деле он был собран и внимателен, как пантера перед прыжком. Конечно, он не собирался ни на кого здесь нападать, хотя никчемность бытия многих проходящих мимо была очевидна. Но не убивать же за то, что кто-то некрасив или толст, разнуждан или занудлив. Мир тогда бы дико поредел, да.

Он доел, скомкал салфетку, вытер рот и пальцы. Понес ее к урне и...

И тут он увидел ее!

Девушка, собравшая в себе множество достоинств, шла прямо на него и разговаривала по телефону. Он замер с промасленной салфеткой в руке. Она должна была – просто обязана – натолкнуться на него: он стоял у нее на пути. Слева колонна, справа встречный поток людской массы, сожравшей свою порцию невкусных булок с котлетами и всяким наполняющим дерьмом. Она должна была натолкнуться на него, поймать его взгляд, смутиться, извиниться или рассердиться. Все равно. Но она...

Она неожиданно остановилась, повернулась к нему спиной и проговорила вполне отчетливо:

– Вижу тебя, вижу, милый.

Ее свободная от телефона рука поднялась, пальцы нежно шевельнулись, привлекая внимание мужчины, неспешной походкой сокращающего расстояние между ними.

«Урод! – подумал он тут же. – К такой девушке надо мчаться сломя голову. К ней надо ехать, бежать, лететь, ползти на коленях, а не шаркать подошвами по грязным плиткам торгового центра. Не делать вид, что она тебе безразлична, ты от нее устал, готов бросить, отдать кому-то и сообщить ей об этом прямо сейчас».

Ничего такого он ей не сообщил – ее милый. Он добрал до нее, лениво скользнул губами по ее щеке, пробормотал:

– Приветик, роднуля.

И повел ее к кассе, где продавали чертовы булки.

Он встал за ними в очередь и задрал голову к меню, не зная, что еще взять. Он утолил голод. Десертов не любил. Брать еду, чтобы потом ее выбрасывать, не терпел. Его мать умерла от голода – он об этом помнил всегда.

- Что будешь? – спросил ее мужчина с ленивой походкой и ленивой манерой целоваться.
- Салат. Чай. Как всегда. Ты же знаешь. Зачем спрашивать?

Ее высокий лоб пошел морщинками. А он подумал, что слишком много слов в ее ответе. Достаточно было двух: салат, чай.

- Ты сказала, что голодна.

Мужчина повернул лицо к самой прекрасной девушке на земле и посмотрел холодно и сдержанно.

- Вызвала меня сюда. Сказала, что голодна.

– Ну да. А что такое? – Ее густые ресницы взлетели, взгляд сделался настороженным. – Какие-то проблемы, Андрей?

– Проблемы, черт побери, в том, что я тащился по пробкам в этот торговый центр только для того, чтобы ты съела салат и чай! В этой... – Он повел рукой вокруг себя и с тихим шипением закончил: – Забегаловке.

Андрей замолчал, кожа на скулах натянулась. Глаза сузились, когда он ее рассматривал, а потом допрос продолжился.

– Ты не могла приехать ко мне? Мы бы пообедали в приличном месте. И салат там был бы другого качества. И чай! Я бы смог поработать лишние полтора часа, а не торчать в гребаной пробке только ради того, чтобы ты... Съела... Салат... Здесь... Почему, Александра?! Почему здесь и сейчас?

Она молчала, кусая губы. Глаза медленно заволакивало слезами.

- Ты не помнишь? – мотнула она головой. – Ты забыл!

- О чем?

– О том, что сегодня десять лет, как мы с тобой познакомились. Именно здесь. В этой, как ты изволишь выражаться, забегаловке. Я взяла салат и чай. А ты...

– А я, мать твою, устал от твоих вечных причуд! От поводов что-то отметить. Приурочить дату. Обвешаться воспоминаниями, как новогодняя елка шарами. Я устал от всего этого дерьма, Александра, – произнес мужчина злой скороговоркой.

И тут же, улыбнувшись кассирше, принялся делать заказ.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Эта мудрость так неожиданно посетила его сознание, что он тут же понял: он знает, что будет дальше. Не у него – нет. У этих двоих. И совершенно точно сегодняшний день, ставший десять лет назад днем их знакомства, станет новой датой. Новой. Уже сегодня.

Глава 2

– Валечка, ты забыл бутерброды! – громко крикнула из кухни жена, когда он уже обулся. – Погоди...

Ее голые ступни звонко застучали по полу – Надюша бежала к нему, в руке пакет с бутербродами. Это было кстати и некстати. Да, он уезжает на место преступления и, скорее всего, пробудет там достаточно долго. Это за городом, где-то в лесу, на лыжне. Поблизости нет магазинов и пунктов общественного питания, и бутерброды пригодились бы. Но...

Будет он там не один, а с целой группой. Не жевать же на глазах у коллег, таких же голодных и продрогших! Он мог бы поделиться с ними, если бы бутербродов было больше. Но их три, всегда только три. Один с сыром. Один с колбасой. Один с ветчиной. И если бы представилась возможность с кем-то поделиться, он бы не знал, что выбрать себе: одинаково любил все. Поэтому бутерброды останутся лежать в машине до его возвращения. Он проглотит их на стоянке, перед тем как пойти домой.

Но Наде знать об этом было необязательно. Это ее обидит, заставит чувствовать себя бесполезной. Допустить подобное Валентин Горелов не мог. Он был благороден и немножечко, совсем чуть-чуть, гордился своим благородством. А еще он очень любил свою жену. И жалел. Особенно после того, как она не смогла выносить их долгожданного ребенка и вдобавок обзавелась диагнозом, приговорившим все их мечты.

– Спасибо, любимая. – Горелов взял в руки довольно увесистый сверток и удивился. – Что-то много тут. Не находишь?

– Это на всех, Валечка. – Она смущенно улыбнулась. – Ты же там будешь не один. Я как-то раньше не думала, извини. Неприлично жевать в одиночку, когда другие смотрят.

– Ты моя хорошая. – В горле сдавило от нежности. – Иди сюда...

Они обнялись и расцеловались. Потом он взял с нее обещание не скучать. Пообещал звонить хотя бы один раз в три часа. Искренне удивился, когда она спросила разрешения пригласить на празднование Нового года свою маму, и так же искренне проговорил:

– Ну, конечно. О чем разговор? Валентина Ивановна – душа компании.

Он нисколько не кривил душой. В мужской компании никогда не подхватывал заезженных тем о зловонных тещах и анекдотов о них не любил. Его теща была исключительной женщиной.

– Валечка, только такое дело... – Надюша принялась водить голой ступней по полу. – Она придет не одна, можно?

– Так-так-так. – Он глянул заинтересованно. – А с кем?

– Один ее старый знакомый. Военный. Вышел в отставку и вернулся откуда-то с севера. У них там что-то намечается. Роман! – Надя скорбно поджала губы и проворчала: – В очередной раз. Я не одобряю. Не уверена. У мамы просто потрясающая способность попадать в нелепые ситуации с мужчинами. Я, собственно, поэтому и настояла, чтобы она с ним пришла.

– Хочешь моего критического взгляда, – догадался Валентин.

– Угу.

– Одобряю, малыш. Пусть приходит со старым знакомым. Осмотрим, пощупаем, пробьем по всем базам.

Он подмигнул жене и взялся за ручку двери, но ему снова пришлось притормозить. Надюша повисла на его спине и защекотала шею губами, шепча всякие милые нежности про то, какой он замечательный, понимающий и невероятно красивый.

Интересно, кому бы это не понравилось! Ему нравилось. Уже семь лет нравилось.

В машину Горелов садился в самом прекрасном расположении духа. Даже мысль о том, что сейчас ему придется ехать на место преступления и смотреть на обезображенный труп, не смогла его испортить. Такая работа. Он к ней привык.

Он кивком поздоровался с соседом по подъезду, обметающим свой автомобиль от снега, и через пару минут выехал. Пакет с бутербродами лежал на пассажирском сиденье рядом.

– Что имеем? – спросил Валентин на месте.

Он всегда так спрашивал. Это был его коронный вопрос, на который он жаждал получить исчерпывающий ответ. Старший лейтенант Воронин принялся докладывать:

– Жертва – женщина. Молодая. Лет двадцать – двадцать пять, не больше. Обнаружена лыжниками из коттеджного поселка. Семейная пара Гребневых, ездят каждое утро одним и тем же маршрутом. Девушка лежала возле лыжни. В метре от нее.

– То есть не заметить ее было невозможно.

– Так точно. Даже если бы намело прилично, не обнаружить ее было бы сложно.

– Хорошо. – Горелов издалека смотрел на тело, уже накрытое какой-то тканью. – Как она погибла?

– Предварительно: замучена и задушена, лицо обезображено: либо результат избиения, либо намеренно изуродовано. Подробности после вскрытия.

– Личность установить не удалось?

– Никак нет, – вздохнул Воронин, с тоской рассматривая заснеженные ели, обступившие лыжню со всех сторон. – Она совершенно голая. При ней ничего. Собака след не взяла.

– Скверно, – мрачно изрек Горелов.

Он подумал, что празднование Нового года с любимой тещей и ее очередным ухажером под большим вопросом. Если не удастся выйти на след убийцы в ближайшие сутки, дело встанет, повиснет. Их всех начнут трепать, вызывать, требовать. Отсутствие результатов грозит бесконечными дежурствами. И...

– Кто-то знал, что Гребневы здесь каждое утро на лыжах ездят, – произнес он вполголоса и прошелся взглядом по ровной лыжне, исчезающей за плотными рядами огромных заснеженных елей. – Поэтому и оставил ее здесь. Знал и оставил.

– Зачем? – Воронин глянул растерянно. – Чтобы что?

– Чтобы мертвую девушку обнаружили. Чтобы она не пролежала убитой и голой до оттепели.

– Но это...

– Нелогично, хочешь сказать? – Горелов покивал. – Да, нелогично. Если убийца совершил свое злодеяние в состоянии аффекта, а не наслаждался содеянным, он должен был позаботиться о том, чтобы тело никогда не нашли и на него не вышли. Но здесь другое, Сережа. Здесь... Вызов. Я вижу откровенный вызов. Ищите, сыщики! Вот вам тело с явным почерком убийцы, но без возможности идентифицировать жертву. Вот вам место, куда мертвую девушку доставили, но ни единого следа. Собака след не взяла. Значит, этот гад старался. Ой, боюсь, что у нас с тобой, Сережа, маньяк объявился. Ой, боюсь... Но пока молчок. Иначе нас пресса живьем сожрет, а начальство выплюнет. Ну, идем, взглянем на несчастную.

Свежий снег, припорошивший ночью недельные проталины, отвратительно повизгивал под ногами, когда они шли до тела, накрытого тканью.

– Что скажешь, эскулап? – обратился Горелов к Валере Володину, уже складывающему свой инструментарий в объемный чемодан.

– Что скажу, что скажу? – меланхолично отозвался тот, не поднимая головы. – Мучили несколько дней. Некоторые синяки и ссадины свежие, некоторые успели состариться.

– То есть ее пытали.

– Да, если можно так выразиться, – покивал Володин, защелкивая замочки на чемодане, поднимаясь в полный рост и протягивая руку Горелову. – Здорово, Валентин.

– Привет, – откликнулся тот. – Вот ты мне скажи, Валера, пытали как?

– В смысле? – Тот заморгал, залезая во внутренний карман куртки за сигаретами. – Не осторожничай, если ты об этом. Делали очень больно.

– Я не это имею в виду, Валера, – недовольно поморщился Горелов. – Эти пытки носили сексуальный характер? Или пытали с целью выведать какой-то секрет? Подтекст, подтекст какой? Ты его увидел?

Володин молча курил, уставившись на мертвое тело под тканью. Огонек его сигареты почти потух, когда он наконец мотнул головой и произнес со вздохом:

– Не могу пока сказать. Все после вскрытия.

– Лицо изуродовали с целью запутать следствие?

– Может, так, а может, просто били в ярости. Все потом, Горелов. Отстань! Я даже точное время смерти не могу определить. Тело на мерзлой земле лежало. Но сутки назад она еще была жива. Да...

Через полчаса Валентин с Сергеем остались на месте преступления одни. Все пошли к машинам. Тело увезли.

– Пойдем, пройдемся, – предложил старшему лейтенанту Горелов. – Ты в одну сторону по лыжне, я – в другую.

– Что будем искать? – Взгляд Воронина заволокло тоской. – Снег же ночью шел. Собака не взяла след.

– Мало ли... Просто осмотримся. Мне интересно, как она сюда попала? До дороги со всех сторон приличное расстояние. На машине сюда не проедешь: парк огорожен, въезды – а их три – узкие. На санках тоже никак. Дорожки расчищены до плитки. Таяло неделю. Не на руках же он ее сюда нес! Хотя... мог, если силен.

– Да мало ли, Валентин, как он ее сюда дотащил! – возмутился Воронин. – Мог через елки, волоком.

– Остались бы следы волочения на земле. Снег выпал, но не так много, чтобы не обнаружить след. И повреждения на теле от волочения были бы, а Володин их не обнаружил. Нет, Серега, ее до парка привезли на чем-то, а потом, возможно, принесли на руках.

– Нести труп через парк на руках? Чтобы тебя увидели?

– Кто? – коротко глянул на старшего лейтенанта Горелов. – Представь... Три часа ночи. Фонари, по имеющимся у меня сведениям, к этому времени в парке отключают. В два, если быть точным. Камер нет ни одной. Темнота, как... Сам знаешь, у кого – где. До рассвета пять с лишним часов. Можно дюжину несчастных сюда доставить без опасения быть обнаруженным. Но вот то, что до парка ее доставили на машине, бесспорно. Поэтому... После того как мы с тобой прогуляемся по лыжне, ты отправишься в местный отдел и добудешь мне сведения о всех имеющихся в коттеджном поселке камерах, а также на подъездах к нему. Сделаешь копии, отмотришь материал и составишь отчет. К вечеру сведения должны быть у меня. Далее... Хочу знать о супругах Гребневых все, и даже больше. Кто, откуда, как давно, с кем и так далее... Я сейчас к ним отправлюсь, побеседовать, но то, что они мне скажут, я уже знаю. Хочу знать что-то еще. Далее...

– Товарищ майор! – заныл Воронин. – Да мне этих заданий на пару дней! Не ночевать же на работе!

Горелов глянул в несчастное лицо коллеги и усмехнулся. Наверняка очередной роман с симпатичной девушкой в стадии развития. Он всегда со службы спешил, когда увлекался. Если был один, то не выгнать. До полуночи мог сидеть, работать.

– Ладно. Я сам.

Он повернулся, чтобы уйти по лыжне в сторону леса.

– Валентин Степанович, – окликнул его Сережа. – А что хотели еще поручить?

– А ты угадай, – хмыкнул тот, не повернувшись.

– Чего гадать-то! – фыркнул старший лейтенант вполголоса. – Личность убитой постараюсь установить. То есть запросить все сведения о пропавших за неделю девушках.

Горелов остановился, обернулся к Сереже с улыбкой и похвалил:

– Молодец. Буду ходатайствовать.

– О чем?

– О подарке к Новому году, – коротко рассмеялся Горелов. – Чтобы выходной тебе дали. Что, Сережа, очередная любовь всей твоей жизни нарисовалась?

Воронин промолчал, рассматривая накатанную лыжню.

– Ладно, ступай уже. Может, что и удастся рассмотреть.

– Что хоть ищем то, товарищ майор?

– Ищем... – Горелов натянул на уши вязаную шапочку, повыше поднял воротник зимней куртки. – Что-то, припорошенное снегом, старший лейтенант. Следы... Ищем следы. Любые! Встречаемся в отделе вечером. Все, до встречи. Да, и порадуй меня чем-нибудь...

Он прошел по лыжне почти полтора километра – специально засек на шагомере, – когда обнаружил то, что не до конца закрыл снег, вяло сыпавший ночью.

Горелов встал как вкопанный, уставился на снег и тут же полез в карман за телефоном.

– Валера, вы далеко отехали? – спросил он сразу, как Валера снял трубку. – Надо возвращаться. Я кое-что обнаружил...

Эксперт Коля Усов, вернувшийся с Володиным, ворчал, косился в сторону Горелова и все время бубнил, что след от снегохода мог быть оставлен кем угодно и когда угодно, это не повод возвращать их с половины дороги. И он совершенно точно не станет разгребать снег и искать возможные капли крови жертвы. Шутка ли: до проезжей части – а именно туда вели следы снегохода – почти километр! Но, поворчав положенные пять минут, он взял в руки маленькую метелку, со вздохом опустил ее на корточки и принялся осторожно сметать снег с проступающего под ним следа.

– Чего сопишь над ухом? – сердито глянул он на Горелова, не отстающего ни на метр. – Ступай, ступай, Валечка, по своим делам. Свидетелей опрашивай. Личность жертвы устанавливай. Мне тут работы до темноты.

– Позвонишь, ворчун? – Горелов отступил к лыжне.

– Позвоню. Ты Володина заведи. Чего ему со мной маяться. У него своих дел уйма.

Майор Горелов усадил Володина в машину старшего лейтенанта Сережи Воронина и посоветовал набраться терпения.

– На месте еще работа есть, Валера. Сереге в отдел местный надо: камеры пробить, если таковые имеются. Ну и...

– Не печалься, Валентин. Я не спешу. Подремяю в машине, пока твой старший лейтенант работу будет работать. Все одно он раньше освободится, чем наш следопыт. Тому еще метелкой махать и махать. Но отчета рано не жди. Сам видишь, у меня обстоятельства. Сам-то сейчас куда?

– К семье любителей ранних лыжных прогулок. Да, и чтобы тебе не так грустно было в ожидании, Валера, на вот, держи. – Горелов сунул ему в руки увесистый пакет с бутербродами. – Сыр, колбаса, ветчина. Свежее и вкусное. Все, до связи...

Глава 3

Они совершенно точно выйдут на нее. Рано или поздно. Особого ума не надо, чтобы сложить два и два. Не те, так другие, но выйдут. И ее жизнь, никогда не ценившаяся особенно дорого, перестанет что-то стоять вообще. Ее сотрут, как ненужный файл. Прихлопнут, как комара, и разотрут. О ней и вспомнить будет некому, потому что у нее никого нет. У Тани было полно знакомых, а никто и не вспомнил, хотя ее нет уже две недели. Можно только догадываться, что с ней и где она. Но не очень хотелось, потому что сразу пропадал сон и аппетит.

Она взяла ложку и осторожно тронула ею поверхность остывающего супа. Еще каких-то три недели назад эта тарелка опустела бы за минуту. Она привыкла быстро есть – в детском доме приучили. Сейчас же кусок в горло не лез.

– Маша, ты чего застыла? – толкнули ее в плечо.

Она повернулась. Сзади стоял Игорек – охранник по этажу – и загадочно лыбился.

– Суп не нравится? – поинтересовался он, наклоняясь к самому уху.

– Нормальный суп.

Она не сделала попытки отодвинуться, хотя близость Игоря была ей неприятна. С первого дня их появления на этаже он приставал к ним – к ней и Тане. Считал своим долгом навязываться в провожатые, называя это опекой. Хорошо, хоть руки не распускал. Пока...

– Вы, детдомовские, наивные. Обмануть любой может. Мне велено за вами приглядывать.

Врал или нет, неизвестно. Но замечаний ему никто не делал, когда он отирался возле гардеробной, хотя должен был ходить по всему этажу и следить за порядком.

– «Нормальный суп», – передразнил ее Игорек, придвинувшись настолько, что его подбородок улегся ей на плечо. – Чего тогда киснешь? Перерыв заканчивается. Заболела, что ли? Мысль показалась ей удачной.

– Да. Наверное. – Она потрогала лоб ладонью и болезненно поморщилась. – Температура, что ли? Не пойму.

– Чего это вы с Танькой на пару взялись болеть?

Игорек отлип от ее спины, обошел столик и уселся напротив. Взгляд, которым он исследовал ее лицо, был липким и опасным.

– Кстати, чего это она на звонки не отвечает? Ей старший звонил, хотел узнать, когда она на работу выйдет, а телефон вне зоны.

– Сама в шоке. – Маша подняла на него честный взгляд. – Она мне пять тысяч торчит и слилась, по ходу.

– Серьезно? – сразу поверил Игорек и досадливо сморщил мало симпатичное лицо. – Ну, тогда все ясно!

– Что ясно?

– Выпросила аванс и пропала. И у тебя заняла. У меня, к слову, тоже.

Низкий лоб Игорька, наверное, пошел глубокими морщинами – под челкой было не видно. Но он очень смешно сдвинул брови, а когда люди так делают, лоб морщится. Это были ее личные наблюдения.

– Слушай, Машка, может, она просто сбежала, а ни хрена не заболела?

Это было бы лучшим вариантом, только вряд ли могло быть правдой. Таня не могла сбежать просто так. Здесь у нее была работа, за которую неплохо платили. В городе – квартира, своя собственная, выданная ей государством, как круглой сироте. Таня квартиру свою любила, стерегла от посторонних. В гости никого не звала, даже Машу.

– Это мое личное пространство, – любила говорить Таня. – Все мое, включая цветочки на обоях. И посторонним там делать нечего.

Чтобы она бросила все, о чем мечтала долгие годы сиротства, и сбежала? Вряд ли. Но в это хотелось верить.

– Может, и сбежала, – произнесла она, глянув на Игоря с неожиданно появившейся надеждой. – Она могла быть такой, знаешь, безголовой.

– Вот вы – детдомовские – все такие. Приручаешь вас, приручаешь, а вы все в лес смотрите, – произнес Игорек с сожалением и поднялся со стула, взглянув на нее строго. – Доедай свой суп и за стойку. Мария Яковлевна тебя вечно подменять не будет...

Марии Яковлевне придется ее подменять уже завтра, целый день, потому что завтра у Маши законный выходной. И если эта старая ворчливая карга не согласится, пусть ищут, кого хотят. У нее на завтра свои планы.

Мария Яковлевна неожиданно согласилась и даже напросилась к ней в напарницы.

– Не велик труд куртки на плечики вешать, – бубнила она в конце дня, переодеваясь вместе с Машей в раздевалке. – Это не на стройке и не в уборщицах. Доводилось, знаю...

Маша деликатно поддакивала, но почти ее не слушала. Она аккуратно свернула рабочий халат и положила в корзину для стирки. Надела футболку, свитер, переобулась из тапочек в короткие сапожки на шнуровке. Обмахнула их фетровой тряпочкой, хотя нужды никакой не было – сапожки и так чистые. Просто они были новыми, модными, и Маша их берегла. Она покосилась на зеркало и скрыла улыбку. Ботинки преображали ее ноги невероятно: те казались длиннее, стройнее. Танька завидовала и советовала не выпендриваться, и надевать теплые колготки, а не тонкий капрон, но Маша ее не слушала. В толстых теплых колготках она уже находилась.

– Ножки-то, как струнка, – прищелкнула языком Мария Яковлевна, поймав Машин взгляд в зеркале. – Парнишку бы тебе путного, девочка, да семью создать крепкую. Сиротство-то оно еще никому на пользу не шло. Игорек – чем тебе не пара? Вижу, вижу, как он в твою сторону смотрит. У него и родители приличные...

Схватив куртку с крючка в своем шкафчике и успев покоситься в левый угол фанерной конструкции, Маша быстрым шагом вышла из раздевалки. Мария Яковлевна постоянно их с Таней кому-нибудь сватала. Но основным претендентом всегда оставался Игорек, доживший без семьи и детей аж до тридцати пяти лет. Сам он себя называл слишком разборчивым, а Таня – никому не нужным.

Таня, Таня, Танюха...

Куда же подевалась? Почему телефон отключен и свет в окнах не горит? Неужели случилось самое страшное, то, о чем Маше даже думать невозможно без внутренних судорог? Но ведь никто не знал и не мог знать, что они с Таней натворили. А предполагать можно до бесконечности, в каждого пальцем тыкать. Станных людей много. С них и спрос!

Взять, к примеру, того красавчика, что регулярно посещает их торговый центр. Совершенно, как Маша предполагает, без нужды. Нет, какая-то цель у него имеется, но это точно не представленные к продаже товары. Ни разу Маша не видела в его руках пакетов с покупками. Он сдает свою куртку в гардероб, через три-четыре часа ее забирает, а руки пустые.

«Станный», – подумала она, выходя на улицу из торгового центра, опустевшего к тому часу. Один из многих странных людей, которых им с Таней приходилось обслуживать. Но из всех он был самым симпатичным, пожалуй. И замечательно подходил той милой девушке, за которой ходил по пятам.

Они были бы идеальной парой. Он – высокий, спортивный, с красивым, немного надменным лицом. Она – среднего роста, с фигурой танцовщицы и прекрасными, хотя и очень несчастными глазами.

О причине ее несчастья Маша не догадывалась, она ее знала. Прекрасная девушка недавно рассталась со своим мужчиной. Ругаться они начали еще в очереди за пальто. Он бубнил тихо и без остановки – губы побелели, глаза страшные. Она слушала и молчала, все ниже

и ниже склоняя голову. Она не плакала, но явно была раздавлена тем, что едва слышно наговаривал ей мужчина.

– На этом все, Саша, – услышала Мария, подавая им их одежду. – Все кончено...

И он ушел, оставив ее одну с пальто в руках. Девушка корчилась от душевных мук с левой стороны колонны. А с правой стороны стоял тот самый симпатичный спортсмен и украдкой наблюдал за ней. Он не сделал ни единой попытки подойти и утешить ее. Просто стоял и смотрел: странно, без намека на жалость или сочувствие.

– Да мало ли причин, Машка, почему он на нее тарасился? – рассмеялась Таня, когда услышала от нее эту историю. – Любишь ты выдумывать.

– Нет, погоди. Он совершенно точно наблюдал за ней. И не первый раз. Я голову даю на отсечение.

– Ой, смотри, подруга, отсекут тебе твою башку, если станешь совать ее куда не надо, – предостерегла ее Таня.

А сама взяла и сунула свою непутевую голову явно не туда. И вот уже две недели от нее ни слуху ни духу...

Маша поежилась, накинула капюшон от куртки и потянула молнию, застегиваясь наглухо. Она подышала внутрь воротника, пытаясь согреть шею без шарфа, но не помогло: было очень морозно. Тонкие капроновые колготки, конечно же, не спасали, как и модные сапожки на тонкой подошве. И короткая куртка, и джинсовая юбка. Надо было бежать на остановку, чтобы успеть на автобус. Если опоздает, то до следующего точно превратится в ледяную статую.

И она побежала. Скользила по высокобленным дворником тротуарным плиткам и все равно бежала. Лучше упасть, чем замерзнуть, решила она и прибавила скорости, увидав, как из-за поворота выплывает ее автобус.

Она успевала, точно успевала. Автобус встал на светофоре, и она могла бы не бежать. Запас в две с половиной минуты, а остановка вот она – совсем близко. До нее простым шагом – минута, а бегом и того меньше. Но Маша бежала, потому что не могла остановиться. Ну и еще, чтобы согреться.

Чтобы затормозить, ей пришлось схватиться за стойку остановки: подошвы модных сапожек были невероятно скользкими.

– Уф-ф... – выдохнула Маша.

Она согрелась, и замерзнуть ей теперь точно не грозило. Автобус выехал со светофора. Она повертела головой, осматриваясь. Приобретенная привычка: всегда, прежде чем залезть в транспорт, так делала. Имелся печальный опыт с украденной сумочкой – Маша не смогла сообщить приметы воришки. В полиции только руками развели и призвали впредь проявлять бдительность. Вот она теперь и проявляет.

Никого опасного рядом не было. Две пожилые женщины с палками – любительницы скандинавской ходьбы. Молодая парочка, занятая собой, и мужчина с псом неизвестной Маше породы. Она успокоилась, ее взгляд скользнул за остановку и замер.

По тротуару мимо торгового центра, который десять минут, как закрылся, медленно шла та самая прекрасная девушка с фигурой танцовщицы. Она шла одна, ее мужчины рядом не было, да и быть не могло. Он же объявил ей, не стесняясь посторонних слушателей в лице гардеробщиц, что все кончено, и оставил одну с пальто на руках. Как же он мог теперь быть с ней рядом?

Но вот симпатичный наблюдатель...

Совершенно точно именно он следовал за девушкой по пятам. В десяти метрах сзади, крадучись, старательно держась тени. Маша не могла не узнать его: слишком часто видела. Это точно был он.

– Вы едете, девушка, или нет?

Ей в спину что-то уперлось. Маша вздрогнула и обернулась. Одна из пожилых дам тыкала ей в спину лыжной палкой, подталкивая к распахнутой автобусной двери.

– Да, еду, – строго глянула Маша. – Не следует размахивать вашей лыжной палкой. Это травмоопасно.

– Ах, извините. – Дама сморщила лицо в ядовитой ухмылке. – Чуть задела вельможную пани...

Маша вспыхнула, залезла в автобус, уселась у окна и надулась. На ней большими буквами написано, что она из детского дома? Сирота? Почему люди часто обходятся с ней, как с существом низшего сорта? Она старается одеваться прилично, работает над выговором, манерами, а все без толку. Непременно находится какая-нибудь тетка, которая нет-нет да и укажет ей ее место.

Маша так увлеклась своей обидой на жизнь, что едва не просмотрела самое интересное. Ей даже пришлось вскакивать с места и бежать в хвост автобуса, вызвав презрительное шипение в свой адрес от дам с палками.

Плевать. Пусть себе шипят. Она ведь едва не просмотрела, как милую девушку с печальными глазами хватается за руку симпатичный спортсмен и тащит в темноту парковой зоны.

Едва не просмотрела.

Глава 4

– Валечка, ты опять сегодня будешь поздно?

Надюша стояла на пороге их спальни в узких штанишках до колен и тесной футболке. Пижамка премиленькая, и Надюша в ней чудо как хороша. Нежный румянец со сна, растрепанные кудряшки. Господи, как же он любил ее! И как не хотелось от нее уходить в воскресный день! В прекрасный воскресный день, с обещанной синоптиками великолепной погодой. Он бы с радостью вывез жену за город, на тещину дачу. Покатал бы с горы на окраине поселка, развел огромный костер на заднем дворе, наварил глинтвейну. Они сидели бы на старой дубовой скамье, кутаясь в старые шерстяные одеяла, потягивали горячий хмельной напиток и красноречиво молчали.

Это было счастьем! Счастьем, которое у него забрал мерзкий убийца, оставивший голое мертвое тело девушки в парковой зоне. И вместо сверкающего на солнце инея ему предстоит рассматривать синяки и ссадины погибшей. Ни катания с горы не будет, ни костра.

Пропади оно все...

– Милый, прости.

Надюша на цыпочках подобралась к нему, обняла за шею, прижалась лбом к щеке.

– Я вижу, как тебе не хочется уходить. Прости за нелепые вопросы. Я люблю тебя. Буду скучать.

– Я тоже, – хрипло пробормотал он, зарываясь лицом в ее волосы. – Иди, досыпай. Рано еще.

Надюша послушно исчезла за дверью их спальни. Он потянулся за курткой и замер.

А может, пора уходить? Летом ему сделали заманчивое предложение, пригласив в Академию преподавателем. Он пожал плечами, не отказавшись и не согласившись, и благополучно забыл. Может, потому что больше не звонили и не предлагали, а может, просто замотался. А сейчас вдруг вспомнил и, выйдя на улицу, тут же полез за телефоном.

– Предложение то... Актуально, Валентин. Только не сейчас. Давай сразу после Нового года, идет? Созвонимся, встретимся, обсудим.

Голос собеседника был обычен, деловит. Значит, не виляет, можно обсудить. Они условились о точной дате. Горелов спрятал телефон в карман куртки и поднял взгляд на свои окна: свет не горел. Надюша решила досмотреть свои воскресные сны.

Ей он говорить пока ни о чем не станет. Когда получится, тогда и скажет. Совета просить у нее смысла нет: она, конечно, будет «за». Устала за семь лет. Хоть и молчит, не ворчит, как многие другие, но устала.

Все, решено! Горелов завел машину с пульта, подождал, пока немного прогреется, сел и с минуту наблюдал за метанием дворников по ветровому стеклу. Нажал кнопку, выпустив две тощие струйки «незамерзайки», и дворники тут же размазали жидкость, очищая стекло от наледи.

Решено, снова подумал Горелов. Вот поймает убийцу девушки и подаст рапорт о переводе. Нет, не в такой последовательности: поймает, встретится с товарищем, все обсудит, а потом подаст рапорт о переводе.

Решено...

В здание морга он входил, как всегда, со сжавшимися в комок внутренностями. Ничего не мог с собой поделаться. Не привыкнет никогда! Валера Володин сидел за своим столом в ординаторской перед компьютером и что-то печатал.

– Привет. – Горелов протянул ему руку.

– Вот кому не спится-то, – отозвался тот ворчливо. – Воскресенье, спи себе и спи... Погоду обещают замечательную. Только на лыжную.

– Мы с тобой только с нее, – попробовал пошутить Валентин, но вышло так себе. Володин шутки не принял, сурово глянул исподлобья.

– Могу ошибиться, но на лыжне она еще была жива, – вдруг произнес он. – Вскрытие показало, что смерть наступила в результате переохлаждения.

– Ты же сказал, что ее задушили! – вытаращился Горелов.

– Это было предварительное заключение, Валя, – одернул его Валера, недовольно поморщившись. – Вот поэтому и не люблю болтать на ветер. Вы сразу версии начинаете строить. Да, ее долго били. Очень долго. Может, неделю. Перед тем, как выбросить на снег, душили. Но она была еще жива. Умерла от переохлаждения. Но если бы не замерзла, умерла бы все равно.

– Почему? – Валентин задумчиво листал бумаги, врученные ему Володиным.

– Внутренние повреждения, товарищ майор. Печень, почки... Били с сознанием дела. – Он помолчал, поставил точку в документе, поднял на Горелова тяжелый взгляд и добавил: – Уроды.

– Множественное число, Валера? Предполагаешь, что убийца был не один?

– Предполагаю.

– На чем это основано?

– Там все написано, – мотнул головой Володин в сторону папки в руках майора.

– А своими словами?

– А моими словами... – Он откинулся на спинку стула, запрокинул руки за голову, сцепил пальцы на затылке и уставился в потолок. – Есть несколько ударов, предположительно ногами: на ребрах, спине, ягодицах. Так вот, следы – предположительно, подчеркиваю – от разной обуви. Три вида разных мысков я насчитал.

– Три человека? Ее избивали три человека?

Горелов вспомнил худенькое маленькое тело бедной девушки, и ему вдруг резко перестало хватать воздуха.

– Я сейчас, – буркнул он и, выскочив из ординаторской, выбежал на улицу. – Уроды, мать твою! Какие же уроды!

Валера Володин вышел за ним следом минуты через две. Закурил, облокотившись о старый клен, живший у самого входа уже очень-очень давно.

– Это еще не все, майор, – произнес он, выдыхая в мороз густой клуб дыма. – Ее били кастетом. И, повторюсь, если бы она не замерзла, то все равно бы умерла от множественных повреждений внутренних органов, не совместимых с жизнью.

– Кастетом... – эхом повторил Горелов.

Он отошел на метр, нагнулся, зачерпнул горсть снега и швырнул себе в лицо. Через минуту сердито глянул на Валеру Володина, окутанного сигаретным дымом.

– Чего вот куришь? Ты же бросить собирался! – выпалил он, подходя ближе.

– Не собрался, – меланхолично откликнулся Валера, подергивая рабочую куртку, сползающую с плеч.

– Тебе ли не знать, Валера, что делает сигарета с человеком, – упрекнул его Валентин.

– Ага... Знаю... – Он хмыкнул и послал окурок в урну. – А еще я знаю, что способен сделать человек с человеком. Она вот, девчонка эта, не курила никогда. А ее взяли и... Ладно, идем, отдам тебе последние страницы отчета.

Он запросто мог заблудиться в формулировках, если бы не пояснения, которые Валера дал ему по каждому пункту.

– Так что, майор, твоя версия с маньяком не проходит, – произнес он напоследок.

– Каким маньяком? – Горелов почувствовал, как загораются щеки.

– Да трепался твой старший лейтенант Воронин всю дорогу. Все о твоих мыслях и предположениях мне рассказывал. Ты же меня с ним отправил с места обнаружения. Забыл?

– Не забыл.

И предупредить старшего лейтенанта не забыл, чтобы тот держал язык за зубами. А тот трепался всю дорогу. Придурок!

– Нет никакого сексуального подтекста, майор, в нанесенных увечьях. Зверье! Могли просто из пьяного куража избивать, а могли тайну какую-нибудь из нее выбивать. Ее не насиловали. Никаких следов сексуального контакта.

– Все же придерживаешься мнения, что их было несколько? – Горелов уже стоял на пороге с папкой под мышкой.

– Следы на теле, майор. Они красноречивы.

– А если убийца переобувался? Просто-напросто переобувался? Ее же мучили несколько дней. Так?

– Так.

– Он мог менять обувь.

– Мог. Только есть одно «но», Валя. – Валера печально улыбнулся. – Некоторые увечья разной обувью были нанесены предположительно в одно и то же время. Так что... Ты ищи, майор, ищи. Кстати, что там с кровью, которую наш следопыт Никола Усов вымел из-под снега? Эта кровь принадлежит жертве?

– Генетический анализ пока не готов. Но группа вроде бы совпадает.

– Ты в отдел? – Валера резво засобирался, стаскивая с себя халат и надевая дубленку. – До метро подкинешь? Хотел сегодня своих на каток вытащить, обещал...

Он довез Валеру до метро и потом всю дорогу ворчал, разговаривая с приборной панелью автомобиля. Панель светилась мягким светом, транслируя показатели технического состояния. Все было в норме – не то что в его душе.

– Как так можно?! – воскликнул он, загоняя машину на стоянку у отдела. – Избивать неделю слабую девчонку! Ногами, кастетом...

– Не такая уж она и слабая, товарищ майор, – возразил Сережа Воронин. – Неделю пыток выдержала, но так и не проболталась.

– В смысле? – покосился на него Горелов.

Он вытащил его из постели, позвонив еще у метро, куда довез Валеру Володина, и приказал в отдел ехать. Результатов нет, а он спать вздумал! В воскресенье! Да еще болтать, о чем не следовало.

– Если предположить, что из нее выбивали какую-то тайну, то она долго молчала, – пояснил старший лейтенант.

– Она могла просто ничего не знать, понимаешь, Сережа?! Просто могла ничего не знать! А эти уроды думали, что знает, если их в самом деле было несколько. И убийца просто не переобувался.

– Жестоко, – проговорил Сережа, пролистав отчет патологоанатома Володина. – Очень жестоко. Били, били и бросили на снег умирать.

– Могли просто не донести до нужного места, чтобы добить и спрятать. Кто-то спугнул или из сил выбились. Что по камерам видеонаблюдения? Отчет готов? Что имеем?

– Ничего интересного, товарищ майор, – сразу сник Сережа. – Никто посторонний не парковал автомобиль на подъездах к парку.

– А не посторонний? Местный?

– Тоже нет. Все места возможных парковок в районе парковой зоны в интересующее нас время были пусты. Только утром подъехала машина наших свидетелей. И еще нескольких лыжников, но они в другом направлении покатались. Я проверил их алиби на ночь и раннее утро: чисты и безупречны.

– Снегоход? Чьи следы были обнаружены под снегом, установить удалось?

– Снегоход тоже не засветился нигде. Там можно проехать, не попадая в камеры. Кто о них знает, обойдет на щелчок пальцев. Необходимости выезжать на проезжую часть на снего-

ходе нет и возможности проехать – тоже. Трасса чистая, – старший лейтенант Воронин развел руками. – И снегоходы в поселке у каждого второго, товарищ майор.

– Список, Сережа. – Горелов ткнул пальцем в свой стол. – Список мне сюда каждого второго! Коттеджный поселок новый, не так уж густо заселен. Сотни полторы-две проживающих, я думаю.

– Триста пятнадцать человек, товарищ майор, – кисло улыбнулся Воронин. – Зарегистрировано триста пятнадцать.

– И что? – Горелов недобро покосился на коллегу. – Это не триста пятнадцать тысяч, а триста пятнадцать человек. Вычислить среди них убийц не так уж сложно. Не быстро, согласен, но не сложно.

– А вы считаете, что убийца из поселка?

Горелов со вздохом глянул на Воронина. Рассеянный, не выспавшийся, сто процентов, оставил в постели свою новую подружку и всеми мыслями сейчас там, с ней. Какой от него выхлоп?

– А ты так не считаешь, Сережа? – отчетливо скрипнул он зубами. – Сам же сказал, что никто не засветился на камерах в интересующее нас время. Машина, стало быть, исключается. Снегоход...

– Но!..

– Но снегоход по проезжей части не прошел бы. Значит, точно кто-то из местных. Не от Москвы же по лесам кто-то ее вез! Это бред, Сережа. Искать надо среди местных. Есть кто-то подозрительный? С грязным прошлым? С судимостью или приводами? Что говорит участковый?

– Пока ничего. Собирает сведения. Обещал к утру понедельника переслать мне на почту.

Сережа выразительно глянул на настенные часы, стрелки которых ползли к одиннадцати утра, и принялся рассуждать:

– А если предположить, что тело доставили на машине до парковой зоны, припарковались вне зоны камер, сгрузили снегоход и на нем уже...

– Слишком хлопотно и рискованно. Велика вероятность, что остановят «гайцы». Нет, товарищ старший лейтенант, это кто-то из местных. Или из соседнего поселка. Как там он, говоришь, называется? – вопросительно поднял брови Горелов.

– Березовое. – Сережа тяжело вздохнул. – Там населения, товарищ майор, почти двадцать тысяч. Искать – не переискать. Это даже не иголка в стоге сена. Это... пылинка.

Горелов промолчал, рассматривая на карте расположение соседнего с парковой зоной населенного пункта. Расстояние от парка до поселка Березовое – десять километров. Полям, лесом, снова полям. Ни оврагов, ни водоемов, ни оживленных трасс, ни блокпостов. На снегоходе – катись, не хочу. Удобно? Удобно. Безнадежно, в плане поисков преступников? Практически.

– Что там с нашими свидетелями? Выписались они из больницы после нервного потрясения? – решил он немного отвлечься от мрачных мыслей.

– На сегодняшний день, по моим сведениям, еще там. И муж, и жена Гребневы – оба в больнице.

– Какие впечатлительные, – поморщился Валентин. – Хотя, не каждый день прогулка так оборачивается. В какой они больнице, Сережа? Навещу...

Он успел попасть в больницу до тихого часа. Мог бы отложить беседу на завтра – доктор готовил их в понедельник к выписке, – но им двигало непонятное злое упрямство. Сегодня, решил он. И Сережу отправил к участковому.

– Никаких завтра, старший лейтенант, – оборвал он его нытьем. – Сегодня. Вечером сведения должны быть у меня. Обо всех, кто хоть когда-то попадал под пристальное внимание полиции. И радуйся, что я тебя сегодня в Березовое не отправляю.

– Радуюсь, – кисло улыбнулся Воронин.

– Туда съездишь завтра, – пресек его «веселье» майор. – Пообщаешься с местными коллегами...

Больничный коридор был пуст: время обеда. Дверь столовой – третья слева – чуть приоткрыта, оттуда слышался звон ложек и тарелок. Горелов уже переговорил с лечащим врачом супругов Гребневых, справился об их самочувствии. Вопросы было разрешено задавать практически любые. Все оказалось не так страшно, и обморок супруги, спровоцировавший следом обморок супруга, был вызван скорее утренним голоданием, нежели нервным стрессом.

Майор Горелов встал под стендом с суровым рекомендательным текстом и замер в ожидании. С момента обнаружения мертвой девушки прошло три дня, а он так и не сумел расспросить тех, кто ее обнаружил. Сразу после того, как приехала полиция, женщина потеряла сознание, а следом за ней и ее супруг, разволновавшийся из-за жены. Суэта врачей «Скорой» оттеснила Горелова, и поговорить с любителями ранних лыжных прогулок так и не вышло.

Первым из столовой вышла она – Гребнева Анна Ивановна. Не высокая, полная, но очень подвижная, как мячик. Горелов уже знал, что ей пятьдесят восемь лет, она на пенсии, не работает. В поселке живет со дня его основания, то есть пять лет.

– Да, с первого кирпича, если можно так выразиться, – подтвердила она, присаживаясь на скамью под стендом и настороженно посматривая в его сторону. – Поначалу, конечно, хлопотно было. Кругом стройка. Магазинов нет.

– Почему именно здесь?

– Лес... – Она мечтательно улыбнулась. – Как только мы увидели эти ели!.. Не смогли устоять! А вот и Степа...

Ее супруг в больничной пижаме – высокий, костистый, с копной седых волос – медленно шел в их сторону, неуверенно улыбаясь. Он поздоровался, но руки не протянул и присел рядом с женой.

– Да, лес, – подтвердил он их выбор. – Где еще найдешь место, чтобы в ста метрах можно было глотнуть свежего воздуха? Везде надо добираться по полдня.

– Понятно... – Горелов вежливо улыбнулся. – Мне бы хотелось узнать подробности того утра, когда вы...

– Едва не задела лыжной палкой бедную девочку? – судорожно вздохнула Анна Ивановна. – Да рассказывать-то особенно нечего. Встали утром. Степа чаю выпил. Я натошак, как всегда. Выехали на лыжах из дома. За десять минут добрались до парка. Встретились с другими лыжниками. Поздоровались.

– Скажу сразу: мы с ними незнакомы, – встрял Степан Иванович. – Не считали нужным. Здравовались – да, в лицо друг друга знаем, но и только.

– Ага... – кивнула Анна Ивановна. – Поздоровались и разъехались в разные стороны. У них другой маршрут. Катим себе, катим, а она лежит. Руки, как восковые. Господи!

– Ну, ну, успокойся, милая, – дотянулся до ее ладони супруг и строго глянул на Горелова. – Это все, что мы можем вам сообщить. Сразу позвонили, дождались. И сюда вот попали.

– Понятно.

Горелов встал, поблагодарил, попросил быть на связи и двинулся к выходу.

– Товарищ майор, – вдруг окликнула его женщина.

– Да, да. – Он остановился и дождался, когда она подойдет.

– Мне могло показаться, но кажется, я видела какую-то тень дальше по лыжне, – неуверенно призналась она. – Может, это птица была, может, собака, а может, еще кто. Но показалось, что-то мелькнуло далеко впереди между елей.

– Тень... – со злостью прошептал Горелов, выходя из терапевтического отделения. – Надо искать тень!

Глава 5

Будильник затрещал над самым ухом. Маша вздрогнула, мгновенно проснулась, но лежала еще какое-то время, не открывая глаз. А будильник продолжал надрываться, раскручивая старую спираль в облупившемся теле.

Он был ее наследством – старый, не ломающийся будильник, исправно отсчитывающий Машины сиротские годы. Каждый вечер она заводила его, а утром слушала оглушительный треск. Еще она унаследовала деревянную рамку со старой поблекшей фотографией, на которой двое взрослых счастливых людей держали за руки маленькую кудрявую девочку. Взрослыми были ее родители, кудрявой девочкой – она сама. Еще имелся чемодан, будто бы кожаный и дорогой. Она слышала, как шептались воспитатели. С ним она приехала в детский дом, когда ее родителей накрыла лавина в горах. В чемодане была ее одежда, пара кукол, будильник и рамка с фотографией. Этот чемодан сейчас хранился на антресолях в квартирке, которую Маша получила, выйдя из детского дома. Правильнее сказать, она ее выбрала.

Квартирка была небольшой, меньше, чем у Тани. И не в новом доме. Санузел совмещенный. В кухне едва поместились холодильник, газовая плита, стол и пара тумбочек. Прихожая полтора на полтора метра. Но вот комната...

Она в нее влюбилась, едва взглянув. Большая, светлая, с нишей, куда Маша тут же впишула кровать, накрыв ее толстым шерстяным ковром. Ковер ей подарила нянечка тетя Соня, полюбившая Машу, как свою родную дочку. Все советовала на стену повесить, но Маша постелила на кровать, сочтя, что ковер на стене – не современно. Совсем недавно – весной – в комнате появился большой шкаф с зеркальными раздвижными дверями. Он ей очень нравился.

– Зачем тебе такой большущий шкаф, он же почти пуст. Вещишек-то никаких нет. Деньги на ветер, – укоризненно качала головой тетя Соня, навестив как-то свою любимицу. – И телевизор такой большой зачем? За эти деньги два бы купила: один на кухню, второй в комнату.

Может, и верно она все советовала – добрая, старая, мудрая тетя Соня, опекавшая Машу все сиротские годы. Но она не слушалась, делала все по-своему. Кровать под толстым шерстяным ковром. Большой, почти пустой шкаф. Огромный телевизор на стене. И...

И подвесное плетеное кресло на лоджии. Оно было таким дорогим и ненужным приобретением, что тетя Соня просто глаза закатила и пальцем у виска покрутила.

– Совсем свихнулась, девочка моя, – проворчала она и тронула ветхую раму. – Лучше бы окна поменяла, свистит из всех щелей.

Но в кресло послушно уселась и просидела в нем почти час – все то время, что они пили чай и разговаривали.

– Удобно как, детка, – погладила белоснежное плетение подлокотника тетя Соня, выбравшись из кресла. – Сидела бы, да сидела. Правильно сделала, что купила! Мы, старики, мудры задним умом. А по молодости, помню, на первую зарплату приемник себе купила, хотя сапог не было. Правильно, Машенька! Молодец. Должна ты пожить хоть теперь в удобстве и комфорте. Нужные вещи покупать очень скучно...

Это было летом. А осенью тетя Соня умерла, оставив Машу совсем одну. Таня не в счет. Они хоть и считались подругами, и работали вместе, и койки в детдоме стояли рядом, но по-настоящему близки никогда не были. Многие из того, что делала Таня, Маше не нравилось. И ее идеи: как можно быстрее разбогатеть и удобнее устроиться в жизни, казались ей полной утопией.

Сама Маша хотела...

Будильник захрипел и заткнулся – закончился завод. Маша открыла глаза и уставилась на тонкую полоску света от уличного фонаря, делившую потолок ее комнаты ровно пополам. Скинув с себя одеяло, она свесила ноги и села, сгорбив спину. Так она просыпалась, сколько

себя помнила. Отслушав будильник и открыв глаза, она садилась, сгорбившись, и сидела еще минут пять, ни о чем таком важном не думая.

Сегодня не думать не получалось. Странные мысли лезли и лезли в голову. Они даже ее обычные легкие сны превратили в кошмары. И утром не давали покоя, и вечером. Ей срочно требовалось принять решение. Надо было что-то делать с информацией, которой она стала обладать несколько дней назад. И с совестью, без конца нашептывающей ей, как поступить.

Она не может промолчать после того, что видела из окна автобуса и вчера по телевизору! Она больше чем уверена, что видела убийцу, знает его в лицо и сможет опознать. С ее помощью его призовут к ответу! Посадят в тюрьму, чтобы он больше никогда, никогда не совершал зла.

Через три дня Новый год. Она, как всегда, собиралась встретить его в детском доме. Подарков уже наготовила самым маленьким и обещала с пирогами помочь послезавтра: у нее как раз выходной. Ей нравилось там хлопотать. Она ощущала себя в семье, другой у нее просто не было. Вернее, когда-то была, но она ее не помнила.

В этот праздник они усаживались со старшими в большой столовой за огромным столом. Ели, пили чай, смеялись, устраивали конкурсы, играли. Потом детей отправляли спать, а воспитатели и выпускники, которым нравилось бывать здесь в Новый год, сидели и вспоминали, вполголоса пели какие-нибудь веселые песни. На душе у Маши в те часы было светло и нежно, улыбка не сходила с губ. Домой под утро она возвращалась счастливой.

А теперь вопрос: сможет ли она быть счастливой в грядущую новогоднюю ночь с грузом страшной тайны? Ее шутки, смех, нежность – не покажутся ли они фальшивыми? Дети же очень чуткие. Их обмануть практически невозможно.

Маша резко вскочила с кровати, прошла по голому полу до балконной двери, выглянула из окна. За ночь улица изменилась до неузнаваемости. Тесный уютный дворик, где не было места машинам и мусорным ящикам, укрыло толстым слоем снега. Белым стало все, даже провода между фонарными столбами. Улица казалась белым листом бумаги, ждущим своего художника. Маша неуверенно улыбнулась. Через десять минут – точно по графику – явится дворник дядя Паша. Его жесткая метла прочертит первый штрих на заснеженном тротуаре. Потом потянутся жители дома, отстрочив следами тропинки от подъездов до соседнего двора, где располагается автомобильная парковка. Ветер крепче вцепится в провода, сметет с них белоснежную пыль. Темное небо осветится бледной голубизной. Начнется день.

Она быстро приняла душ и почистила зубы, потом позвонила Игорю.

– Не понял, тебя из дома забрать, что ли? – сонно бормотал он, задавая нелепые вопросы.

– Нет, Игорь. Я задержусь. Предупреди там всех. Пусть Мария Яковлевна за меня подежурит.

– Не понял. Бр-рр...

Маша представила, как Игорек трясет головой. Сальная челка наползает на глаза, он сдвигает ее и медленно поднимается с койки.

– Ты заболела, что ли, Машка? Что сказать?

– Нет. Я здорова. Мне просто надо в полицию, – нехотя призналась она, понимая, что без подробных объяснений он не станет для нее ничего делать.

– Зачем?! – Все, он проснулся окончательно. – Ты что-нибудь натворила?

– Нет. – Она стояла возле газовой плиты и ждала, когда закипит молоко, чтобы залить им растворимый кофе, уже засыпанный в большую чашку. – Ты вчера не смотрел местные криминальные новости? Про то, что в парковой зоне нашли труп девушки?

– Как-то проскочило мимо. А что?

– В новостях просили всех, кто может помочь, откликнуться.

– А ты можешь помочь? – фыркнул Игорек. – Вознаграждение, что ли, обещано?

– Нет. Не обещано. Просто... мне кажется, я знаю эту девушку. И того, кто ее убил.

Игорек странно хрюкнул, потом присвистнул, изрек философское «н-да» и заверил, что все сделает, как она просит.

– Марию Яковлевну оповещу. Начальство в известность поставлю. Машка... – Он недолго помолчал. – А ты уверена, что хочешь проблем? Зачем тебе во все это дерьмо влезать?

– Чью-то оборванную жизнь ты называешь дерьмом, Игорек?

Она отключила телефон, подхватила с огня старый ковшик, залила вскипевшее молоко в кружку, размешала.

Он сказал «проблем»? Почему у нее непременно должны быть проблемы? Она же хочет помочь! Она так воспитана. Их наставники годами вбивали им в головы, что принцип «один за всех и все за одного» до сих пор работает. Зло всегда наказуемо, а добро непременно добром вернется.

Да ну его! Она сделает то, что должна. И будь что будет.

Маша выпила огромную чашку растворимого кофе с половиной сладкой булки, оставленной на утро с вечера. Помыла чашку, ковшик, убрала все в тумбочку, пошла в комнату и встала перед распахнутым шкафом. Вопросом «что надеть» можно не задаваться: выбор был невелик. Но капроновые колготки в такой мороз и снег – это, пожалуй, слишком. Она взяла с полки теплый спортивный костюм, шерстяные носки. В прихожей достала из-под вешалки низкие меховые ботинки: их им выдали в детском доме перед самым выпуском. Таня свои сразу выбросила, назвав «прощай, молодость». Маша их тоже не любила, но выбрасывать не стала: надевала, чтобы вынести мусор или добежать до ближайшего магазина. Сегодня она собиралась пойти в полицию с важным заявлением. И кто знает, может, придется ехать на то место, где она в последний раз видела жертву живой! А это снег и холод.

Она еще раз осмотрела квартиру: свет выключен, краны закрыты. Маша заперла дверь и пошла вниз по лестнице.

Обещанного автором телевизионного ролика внимания от сотрудников правоохранительных органов она не получила. Ее футболили из одного микрорайона в другой. Маша трижды спускалась в метро и переезжала с одной станции на другую. Вконец измучившись и пожалев о своем решении, она взяла в киоске стаканчик жидкого кофе, пончик и встала у стены, чтобы перекусить. В кармане короткой куртки заверещал мобильник.

– Ты где, Машка? – спросил Игорь.

– Катаюсь из одного отдела полиции в другой. Меня отовсюду футболеют, – призналась она, запихивая остатки пончика в рот, и пробубнила: – Уже пожалела, что связалась.

– Не стану повторяться, но я тебя предупреждал, – скороговоркой произнес Игорь. – И, да, тебе срочно надо вернуться на работу.

– Уже лечу. Минут через десять буду. А что такое? – поинтересовалась она, спохватившись. – Руководство?

– Нет, полиция. Пока ты их искала, они сами тебя нашли. Ждут...

Полицейский, представившийся Маше майором Гореловым, ей сразу понравился. Он был несуетлив, задумчив, умел внимательно слушать и не задавал глупых бесполезных вопросов. А еще майор был очень симпатичным и очень походил на ее любимого героя из сериала про полицию. Он проникновенно смотрел, время от времени подбадривая ее осторожной улыбкой.

– И вы решили, что это именно та девушка, которая была обнаружена мертвой на лыжне? – уточнил Горелов, когда она закончила рассказывать.

– Я не решила. Я предполагаю. Вчера по телевизору сказали, что будут благодарны за любую информацию. – Маша дернула плечами. – Может, это как раз та информация и есть? А я промолчу! Это неправильно.

– Согласен. Но как нам найти этого парня? И как установить личность девушки? Вы же не слышали их имен?

– Слышала. Ее зовут Александра. Ее бывшего парня – Андрей. И личность установить не сложно.

– Как? – задрал брови майор Горелов.

– На записях с камер на нашем этаже, я их найду и опознаю. Потом с камер на парковке можно установить машину, в которую они садятся. По номерам установить владельцев. Они точно были на машине. Он не раз на стойку ключи клал.

В кабинете начальника повисла пауза. Все смотрели на нее округлившимися глазами.

– А вы молодец, Мария! – с легким смешком похвалил Горелов и указал на нее пальцем начальнику. – Буду ходатайствовать о награждении...

Начальник осторожно кивнул и тут же отослал Игоря за записями с камер. Через пятнадцать минут Маша оживленно рассказывала, как стала свидетелем расставания красивой молодой пары. И как неоднократно наблюдала за тем, как симпатичный парень атлетического телосложения следит за девушкой.

– Но на записях этого не видно, – возразил майор.

– Он очень, очень, очень осторожный, – покивала она, заправляя за уши растрепавшиеся кудряшки, и добавила: – И еще он очень странный. Я уверена, та девушка, которую вы нашли в парковой зоне, – это она. А убийца – он. Но почему-то он не на машине. Хотя я уверена, что машина у него есть.

– Откуда уверенность? – заинтересованно глянул на нее Горелов.

– Как-то, стоя в очереди в гардероб, он разговаривал с кем-то по телефону и просил, чтобы ему поменяли не только масло и фильтры, но что-то еще под передним бампером. Я это слышала отчетливо, потому что он стоял очень близко от стойки. Разве это разговор не о машине?

Возражений не нашлось.

– К тому же мы можем просмотреть записи с камер у входов, и я точно узнаю его.

Она узнала парня, который шел пешком к центральному входу на записях недельной давности.

– Это он! – возбужденно воскликнула Маша, тыча пальцем в монитор. – Это точно тот парень, который увел девушку в парк на моих глазах! Это, конечно, не тот парк, в котором вы нашли убитую. Но привычка затаскивать бедняжек в темноту – налицо!

Начальник сдержанно поблагодарил ее следом за сотрудником полиции и отправил на рабочее место. Она не важничала, принимая весь день куртки и пальто от посетителей. Она просто чувствовала себя причастной к важному делу. Хвалила себя за инициативу. И радовалась, что не промолчала.

Глава 6

Послезавтра Новый год. Важный, главный праздник. Самый важный, по его мнению. Больше праздников для него не существовало. Свой день рождения он не любил, считал его ошибкой и никогда не праздновал. Дни рождения близких людей тоже, потому что их не было – близких людей. В его большом доме, который он построил себе после того, как унаследовал состояние отца, никого, кроме персонала, не было. Охрана, уборщица, повар, садовник. Все, кроме охранников, приходили утром, а ближе к вечеру уходили по своим домам. Охранников было трое, включая самого старшего по рангу. Они исправно несли службу, хорошо зарабатывали и были практически незаметными. Это стало главным условием при найме. Они его соблюдали, но не спали в дежурство. Точно не спали. В этом он убедился, вернувшись не так давно под утро с прогулки на снегоходе.

Запомнилось, как он бросил у гаражных ворот дрянную машину, что подвела его в сугробах, обернул окровавленную ладонь шарфом, сделал шаг и тут же напоролся на высокого парня, вышедшего из тени. Он вздрогнул от неожиданности и невероятности увиденного. Первой мыслью было: здесь же никого не должно быть! Это его территория!

– Станислав Сергеевич, все в порядке? – Парень посветил себе фонариком в лицо. – Алексей. Я ваш охранник.

– Тыфу ты! – в сердцах плюнул Стас, морщась от боли в руке. – Напугал!

– Простите. Думал, воры.

– Так и я подумал – воры! А чего не спишь? – спросил он и снова поморщился, теперь от собственной глупости.

– Я же на службе, – ответил охранник и покосился на капли крови, падающие на снег из-под шарфа, намотанного на руку. – Точно все в порядке?

– Да, все в порядке. Цепь забарахлила. Попытался исправить ситуацию, но только руку поранил. Дрянь, а не машина! Надо будет претензию написать продавцу или производителю, – это он произнес уже для себя: охранник исчез в тени, словно его и не было.

А на следующий день по поселку поползли скверные новости, и он затаился, перепугавшись. Даже съездил на заправку, разжиться сплетнями.

Там работали две девушки – сменщицы. Одна другой стояла. Болтали обо всем, что видели и слышали. Причем не друг с другом, поскольку работали в разные смены, а с посетителями.

Стас заправил полный бак, взял себе кофе, булку с сосиской, оставил щедрые чаевые и пристроился возле окна за стойкой. Больше на тот момент посетителей не было, и кассирша тут же прицепилась к нему.

– Слышали, что вчера случилось-то? – до невозможного округлив глаза, спросила она.

Он отрицательно мотнул головой.

– Ну как же! – наморщила лоб девушка. – На лыжне в глубине парка нашли мертвую, истерзанную девчонку. Прямо утром! Кто-то из местных нашел. Муж и жена. Они каждое утро вроде катаются. И чуть на нее не наехали. Ужас! Не дай бог, маньяк!

– Скажете тоже! – пробубнил он с набитым ртом. – Откуда тут взяться маньяку?

– Оттуда, откуда они всегда берутся, – возразила девушка и добавила: – Они живут среди нас, а мы их просто не замечаем. Они тихие, скромные, скрытные и вежливые.

– Откуда такие познания? – воскликнул он изумленно. – Вы прямо эксперт!

– Литературу читаю. С людьми много общаюсь. – Девушка решила, что он ее похвалил. – А еще тут сотрудники полиции заезжали кофе попить, и все расспрашивали про то, у кого имеются снегоходы в нашем поселке.

– А это им зачем?

Он не побледнел, нет, но изнутри словно окоченел. Кажется, даже по морозному хрустелу, когда он двигал руками и ногами.

– Вроде след нашли от снегохода. Точно не уловила, – с сожалением прищелкнула она языком. – Они тихо говорили. Но точно нашли след от снегохода. И будто даже кровь. Сто процентов это кровь маньяка...

– Почему сразу маньяк – его кровь, его снегоход? – пристал он к девушке. – Они это установили?

– Нет, конечно, – фыркнула она почти весело. – Что может наша полиция? Это только в кино показывают, какие они ловкие и на раз преступления раскрывают. А на самом деле... У нас год назад хулиганы мягкие игрушки стащили с прилавка. Пять штук целых! Пока моя сменщица посетителей обслуживала, они и сперли. А там ценник о-го-го какой! Так вот приехали из полиции, посмотрели, повздыхали, записи с камер отсмотрели. И все! Тишина. Никого не нашли. Хотя машина на камере засветилась. И как так?! Наверняка кто-то из знакомых.

– Машина могла быть в угоне, – предположил он, не зная, как снова вернуть девушку к теме убийства в парке.

– Вы серьезно? – Она рассмеялась, запрокинув голову. – Угнали машину, потом игрушки украли. Это что же за воры такие?

– А вы как думаете, кто это был?

– Думаю, хулиганье орудовало. Чьи-то детки или знакомые. Ну, я имею в виду влиятельных лиц... На спор или ради хохмы игрушки забрали и уехали. Если даже их и вычислили по машинным номерам, шум не стали поднимать, типа из-за ерунды. Вот так я и думаю. А что касается маньяка... Это сто процентов он был на снегоходе. Посудите сами... С вечера следов не было, а к утру появились. Причем едва заметные под свежей порошей. Значит, в снегопад он там катался. Сто процентов в снегопад. Но только не найдут его.

– Почему? – Он допивал кофе, прикрывшись стаканчиком.

– Да потому что у нас в поселке у каждого второго снегоход. Не станут же всех проверять? Точно нет...

Он на это искренне надеялся, но на всякий случай снегоход свой вычистил, упаковал и вместе с претензией отправил продавцу. Гарантия еще не закончилась. И с Алексеем провел осторожную беседу. Намекнул, что его сотрудники не должны болтать лишнего. Тот с пониманием кивнул и исчез в дверном проеме гостиной, словно призрак. Стас, не успокоившись, осторожно навел о нем справки у старшего из охранников – Ивана. Тот сразу отмел всякий намек на утечку информации.

– Алексей в тяжелом положении был до поступления к вам на службу, Станислав Сергеевич. Никуда не мог устроиться.

– Почему?

– Небольшой некрасивый эпизод в его жизни. Давно это было, но шлейфом до сих пор тянется. А в наших структурах репутация должна быть безупречной, сами понимаете.

Стас мог бы возмутиться: он совсем не желал, чтобы его охраняли люди с некрасивыми эпизодами в прошлом. Иван должен был доложить ему об этом, когда рекомендовал Алексея, но он смолчал. А старший тут же начал оправдываться и закончил со словами:

– Главный принцип, которым руководствуется Алексей, когда на кого-то работает, – это верность, Станислав Сергеевич. Он не подведет. Точно не подведет...

Пока все было тихо. Ни к соседям полиция не совалась пока, ни к нему. Но они придут. Он был уверен, что рано или поздно придут. Хорошо, если бы это случилось после главного для него праздника. В противном случае – весь следующий год будет испорчен. А у него большие планы. Очень! Он надеялся, что в следующем году станет наряжать новогоднюю елку уже не один.

Стас подержал в руках большой, сверкающий золотом шар и потянулся к нижней ветке. Там ему самое место. Нанизал тонкую блестящую нитку на колючую веточку, отступил на шаг, полюбовался. То самое место для этого шара. То самое.

Он порылся в большом картонном ящике и поискал фигурку медведя, который бы замечательно смотрелся рядом с шаром. Нашел, пристроил и снова остался доволен. Стас глянул на часы: время близилось к обеду, а он прошел лишь нижний ярус веток высокой красавицы. Хорошо, если до вечера успеет нарядить. Если бы был не один, дело бы шло быстрее. Но подпускать к елке посторонних он не хотел, а она быть с ним рядом в этом году не пожелала, даже сочла ненормальным. Ничего, это у нее пройдет. Он докажет ей свою преданность. Убедит в том, что с ним она будет счастлива. Только с ним!

– Станислав Сергеевич, – в дверях гостиной стояла повар Кира Ивановна. – Идемте обедать. Все готово. Пока горяченькое.

– Хорошо. Идемте.

Он отложил стеклянную фигурку заснеженного домика и пошел следом за ней в кухню. Он не просил накрывать ему в столовой, хотя она имелаась. Ему нравилось завтракать, обедать и ужинать в кухне. Там всегда было чисто. Тепло. Пахло едой. Это будило воспоминания из раннего детства, когда еще его не забрал у матери отец. Когда мать еще хлопотала, заботилась о нем, много и вкусно готовила, особенно к праздникам.

Он сел за накрытый стол, взял ложку и потянулся к тарелке с домашней лапшой. Мясо лежало на отдельной тарелке.

– Что к новогоднему столу приготовить, Станислав Сергеевич?

– На ваше усмотрение, – невнятно произнес он с полным ртом.

– Ох, да на мое бы усмотрение, я бы и гуся запекла с яблоками, и заливное бы сделала, и закусок гору!

– Так и делайте. Запекайте, заливайте. – Он добродушно улыбнулся. – Мало ли кто заглянет на огонек...

Заглянули! Но не те, кого он был бы рад видеть.

Охрана встала насмерть, не пропустив полицию дальше ворот – была смена Алексея. Стасу пришлось одеваться и выходить. Алексей категорически отказался их впускать без ордера и добавил громким шепотом по телефону, что не следует им доверять.

– И наркоты напихают в щели какие-нибудь, Станислав Сергеевич. Доказывай потом, что ты не верблюд! Простите...

– Я иду уже, Алексей. Спасибо тебе за бдительность.

Выметенная до сухости дорожка от крыльца до ворот показалась очень короткой. Он даже придумать ничего не успел, хотя шел очень медленно.

– Майор Горелов, – представился симпатичный малый в короткой дубленке с непокрытой головой. – Мы могли бы поговорить?

– Заходите. – Стас неуверенно распахнул кованую калитку в воротах.

– Нет, не здесь. Нам бы хотелось, чтобы вы проехали с нами. У нас есть к вам несколько вопросов. – Горелов улыбнулся и развел руками. – Уж, простите. Обстоятельства.

– А здесь никак?

Он удивился, что в голове ни единой мысли: ни тревожной, ни трусливой – никакой. Стас глянул на Алексея. Его охранник, кажется, больше переживает, чем он. Может, потому что не знает правды, может только догадываться?

– Здесь, увы, никак, – майор, явившийся к нему на порог за два дня до праздника, излучал добро и терпение. – Поверьте, ничего страшного. Простая формальность.

– Поверьте! – негромко фыркнул Алексей. – Станислав Сергеевич, я адвокату вашему позвоню?

– Адвокату?

Он наморщил лоб. Да не было у него сейчас никакого адвоката. Он закончил с ними все дела, когда бизнес отца благополучно пристраивал.

– У меня есть проверенный. Позволите? – вдруг снова проявил инициативу его верный охранник с сомнительным прошлым.

– Валяй, – неуверенно пожал он плечами и уточнил у Горелова адрес, куда его повезут.

– Я все понял, Станислав Сергеевич, – закивал охранник и тут же полез в карман за телефоном. – Ему даже ближе будет, чем вам. И он совершенно точно в стране. В городе...

Его везли в обыкновенной легковой машине. Охраны по бокам не было – уже неплохо. Но вот отвечать на его вопросы в дороге Горелов категорически отказался.

– Давайте потерпим до места, – проговорил он почти умоляющим тоном.

– Хорошо. – Стас зарылся в воротник куртки и попытался задремать.

Черта с два! Он наконец-то начал понимать всю серьезность происходящего, и его накрыло страхом. Глупая девчонка с заправки, она что-то тараторила про маньяка. Про следы снегохода, оставленные в ночь убийства. Про убитую девочку.

Они его подозревают? Или уже не подозревают, а уверены в его виновности? Потому и не стали говорить дома, а повезли сразу в участок.

Ох, Алексею спасибо величайшее! Молодец, подсуетился. Его знакомый, надежный адвокат уже встречал их на пороге, представившись Ильей Ивановичем Гришиным. Горелов, увидев его, как-то сразу сник.

– Снова вы? – будто и не удивился он. – Снова станете вставлять палки в колеса?

– Я на страже правосудия, Валентин Степанович. Я только за то, чтобы не нарушался закон, не ущемлялись права моих клиентов. Идемте, расскажете, что стряслось...

Начал Горелов издалека. Для начала разложил на столе фотографии мертвой обезображенной девушки, рассказал, как она была обнаружена и кем.

– Это жители вашего поселка, – произнес майор, не глядя на Стаса. – Вы знакомы с ними?

– Не могу сказать точно. В лицо, возможно, знаю. Фамилия незнакома, – ответил он чистую правду.

– У них, как и у вас, имеется снегоход. Их вообще много в вашем поселке. Почему? – последовал острый, быстрый взгляд: Горелов пытался поймать его мимику.

– Потому что кругом леса, парковая зона. Знаете, этот парк – это ведь, по сути, часть леса. Что-то выпилили, вырубили, облагородили, проложили дорожки, но в целом природа первозданна. А там дальше, восточнее, в сторону поселка Березовое, густой лес, поля. Катись – не хочу! Вы катались когда-нибудь?

Горелов без сожаления качнул головой.

– Зря. Могу предложить свой. Напрокат. – Он осторожно улыбнулся. – Вот заберу его из ремонта...

– А что с ним не так? – сразу напрягся майор.

– Цепь... – ответил он кратко. – Измучила. Отправил продавцу с претензией производителю. Пока на гарантии.

– Когда?

– Что – когда?

– Отправили в ремонт?

Стас назвал точную дату. Врать смысла не было: все равно узнают.

– А когда цепь повредилась? – наморщил лоб Горелов.

Стас назвал дату, предшествующую той, когда он ездил в лес ночью.

– Понятно. – Он потрогал фотографии мертвой девушки, сдвигая их на край стола. – Вглядитесь, Станислав, может, видели ее в поселке? Или были знакомы? Узнаете в ней кого-то из своих давних симпатий?

– Можете не отвечать, – зашипел над ухом адвокат.

– Отвечу, – одобрительно улыбнулся ему Стас. – Мой ответ – нет. Не видел. Не знаком. Не узнаю.

– А эту девушку? – Горелов выудил из стопки папок еще одно фото и положил его на стол. – Узнаете?

Он почувствовал, как бледность поползла по скулам. Мгновение катал в голове варианты ответов, счел, что врать не следует, и кивнул:

– Да. Я ее встречал.

– Где? При каких обстоятельствах?

Адвокат снова принялся что-то шипеть ему на ухо, заставляя Горелова прояснить ситуацию. Стас поморщился. Вот этой словесной суеты он не терпел.

– Я встречал ее неоднократно в торговом центре на окраине Москвы, – он назвал микрорайон. – Она была там со своим парнем. Кажется, они расстались.

– Это она вам рассказала? – удивленно приподнял брови Горелов. – При каких обстоятельствах?

– Столкнулись как-то вечером, прогулялись, я проводил ее до дома. Она, к слову, живет неподалеку от торгового центра. Александра Витебская. Очень красивая девушка.

– А зачем же вы... Зачем же вы так изуродовали эту красивую девушку?! – вдруг резко повысил голос Горелов, привстав с места. – Что она вам сделала, что вы били ее несколько дней?! Били, душили, а затем бросили на снег замерзать! Вы – чудовище, Ильинов! Вы – чудовище... Ильинов Станислав Сергеевич. И вы подозреваете в жестоком убийстве Витебской Александры. Разрешите зачитать вам ваши права...

Глава 7

Андрей подхватил кастрюлю за ручки, намереваясь снять ее с огня, обжегся и, со стоном швырнув кастрюлю обратно на плиту, принялся дуть на пальцы. Мутная пена поверх переварившейся пасты мгновенно запузырилась и снова полезла вверх. Он сдвинул кастрюлю на соседнюю, не работающую, горелку и выключил огонь. Пальцы жгло, было больно. Он открыл холодную воду и сунул руки под мощную ледяную струю. Немного помогло, но с ужином надо будет что-то придумывать. Есть переваренную пасту он категорически не мог.

Он поискал взглядом мобильник – на столе, где он его и оставил, ища рецепт болоньезе. Он вытер руки полотенцем и снова взялся за телефон. Поискал службу доставки кафе, которое разместилось на первом этаже его дома. Набрал номер, заказал ужин. Через сорок минут в дверь позвонили.

– Что-то долго вы доставляли еду, – проворчал он, распахивая дверь. – Салат с крабом и отбивная с картошкой готовится...

За дверью стояли двое, и ничего общего с доставкой еды они точно не имели.

– Майор Горелов, – представился тот, что был постарше и выглядел покрупнее.

– Старший лейтенант Воронин, – представился второй, малый с любопытным взглядом, который он тут же запустил за его спину, осматривая просторный коридор. – Разрешите войти?

– А что, собственно, вам нужно?

Андрей не посторонился, не пригласил войти – стоял, вытирая руки полотенцем, хотя нужды в этом совершенно не было, руки давно сухие. Зачем он прихватил это чертово полотенце?

«А-а-а, понял. Надо было забрать промасленные коробки из рук доставщика еды», – тут же сообразил он.

– Мы хотели поговорить, – вяло улыбнулся старший лейтенант. – Позвольте войти?

– Говорите здесь, – хмыкнул Андрей, закидывая полотенце на плечо. – У меня не убрано.

Молодой едва слышно чертыхнулся. Его взгляд настойчивее заелозил по белоснежным панелям его коридора, пополз на потолок с замысловатым освещением. Да, дорогие панели, штучные. И свет обошелся недешево. А он что хотел – старлей сопливый? Чтобы он дешевой бумагой стены обклеил и лампочку на шнурке с потолка свесил? Чтобы он, Андрей Грибов, заселяясь в элитное жилье, пренебрег хорошим ремонтом? Нет, это не про него. У него всегда все на высшем уровне. Всегда! Все!

– Мы хотели поговорить о вашей девушке, – мягко, как психотерапевт недоделанный, произнес майор. – У вас ведь есть девушка?

– Есть, – мотнул он головой. – И чем она вам не нравится? Она что-то натворила? У нее проблемы с законом? Упс-сс...

– Мы могли бы с ней поговорить? – проигнорировал его вопросы майор.

– Нет. – Он стащил с плеча полотенце и принялся размахивать им, словно мух отгонял.

– По какой причине?

– По той причине, что ее здесь нет и быть не может. Мы еще не настолько близки, чтобы жить вместе.

За спинами полицейских зашуршали, расплзаясь в разные стороны, двери лифта. На лестничную площадку вышел малый в яркой куртке и штанах.

Доставка.

– Ну, наконец-то! – всплеснул руками Андрей. – Думал, с голоду опухну, пока вы мне мясо пожарите!

– Извините. Очень много заказов. – Малый потеснил полицейских, сунул ему в руки пакет с контейнерами, попросил расписаться в планшете и через минуту исчез.

– Вы не против, если мы перенесем нашу беседу? Очень есть хочется. – Андрей приподнял пакет с контейнерами на уровень их лиц. – А?

– Боюсь, вам придется ответить на наши вопросы. В противном случае, ваш ужин безнадёжно остынет, – кривая ухмылка искадила идеальный рот майора.

– С чего это?

– С того, что тебе придется проехать с нами! – рявкнул сопляк, наверняка позавидовавший его достатку.

– Ох, господи! Как же с вами сложно-то. – Он шире распахнул дверь. – Ну, входите уже. Только разуйтесь. Гостевые тапки на полке.

Переобуваться в гостевые тапки они не стали, натянув на обувь бахилы. Прошли следом за ним в кухню, и старший лейтенант присвистнул, пробормотав как будто с осуждением что-то про квартиру своих родителей, куда меньших размеров, чем эта комната.

Андрею было плевать: и на старшего лейтенанта, и на его родителей с их чудовищными условиями жизни, и на майора, что замер возле окна. Они были из другого мира. Из параллельной плоскости, куда ему никогда не попасть.

– Где ваша девушка, Грибов? – спросил майор, когда Андрей начал доставать из пакета еду.

– Дома. Дома, наверное. Я не звонил ей сегодня.

– А что так? Канун Нового года, а вы врозь. Странно... – Майор уставился на него пристально, нехорошо. – Еду заказываете.

– И в этом вы видите странность? – Андрей укоризненно покачал головой, достал контейнеры и принялся выгружать содержимое на тарелки. – За что вам деньги платят, майор? За то, чтобы вы врывались тридцатого декабря к честным людям и рассматривали, что они едят на ужин? Даже комментировать не стану. Но к жалобе будьте готовы.

– Всегда готовы! – воскликнул старший лейтенант с чувством и отсалютовал, как пионер. Клоун! Ну-ну, посмотрим, как он станет веселиться, когда взыскание объявят.

Андрей поставил тарелки на обеденный стол, сел, взял в руки нож и вилку и принялся ужинать. Конечно, гостей это задело. Но он их не звал, и это был их осознанный выбор. Он предупредил, что голоден. К тому же разогрева эта еда не перенесет, попросту не выживет. Мясо превратится в подошву, жареный картофель – в вату.

– Когда вы в последний раз видели вашу девушку, Андрей? – спросил майор Горелов.

Тон вполне себе ничего, миролюбивый. Угроза подействовала.

– Вчера. Вчера вечером. Довез ее до дома, попрощался. Сегодня у нее весь день расписан, всякие там женские штучки: парикмахерская, маникюр, массаж, солярий... Потому и не созванивались еще. Обещала, как освободится, позвонить.

– Вчера? – Майор нахмурился и стремительно переглянулся с коллегой. – Вы в этом уверены?

– Что значит, уверен? Старческим слабоумием пока не страдаю.

Мясо набилось в зубы. Жестко, невкусно, соус отвратительный. Картошка хрустит. Да кто так готовит?! Что за безрукость такая?! Он оттолкнул от себя тарелки, вспомнив прошлогодний канун праздника, когда холодильник еле закрывался. Запеченная загодя индейка, салаты, домашняя буженина и отбивные. Чего только не было наготовлено!

Андрей со вздохом потянулся за зубочисткой.

– А в чем, собственно, дело? – пробубнил он, зажимая ее губами. – Зачем вам моя девушка?

– У нас есть подозрение, что ее убили, – коротко обронил майор и полез в карман короткой модной дубленки.

Фотографии, которые майор рассыпал перед ним на столе, были ужасными. У него зашевелились волосы на затылке. Андрей почувствовал это совершенно точно, хотя всегда считал, что подобные уверения – брехня.

– Что это?! – просипел он, отпрянув. – Кто это?!

– Предположительно, ваша девушка – Александра Витебская. – У майора подрагивали пальцы, когда он сгребал со стола фотографии и снова прятал их в карман. – Поэтому повторяю вопрос: когда в последний раз вы видели свою девушку живой?

Он сидел с крепко зажмуренными глазами непозволительно долго. Потом начал смеяться. Сначала тихо, беззвучно, потом все громче и громче. Закончился смех странными всхлипываниями.

– Вы успокоились? – Майор держал у его лица стакан с водой. – Ответьте на поставленный мною вопрос. Когда вы видели свою девушку в последний раз живой?

Он взял стакан и выпил до самой последней капли, поднял просветленные глаза на майора и произнес:

– Повторяю – вчера. Вчера видел! Моя девушка не Александра Витебская. Моя девушка – Вероника Золотых! С Сашей я расстался. Господи, с вами с ума можно сойти!

По его лицу текли самые настоящие слезы. Он их чувствовал, щекам было мокро. Но плечи его содрогались теперь уже от самого настоящего – счастливого смеха.

– Уходите! Уходите немедленно, или я полицию вызову! Позвоню прямо сейчас в службу собственной безопасности... Господи, кого ты мне послал в испытание?!

Андрей еще что-то выкрикивал, пока они шли к выходу – неуместное и невнятное, – но видел, что это и не важно. Важным было то, что их проняло: этих наглых самозванцев, явившихся испортить ему канун праздника.

– Извините, – промямлил майор Горелов прежде, чем за ним захлопнулась дверь. – С наступающим...

С наступающим, интересно, чем? Он громко фыркнул, коротко рассмеялся и пошел в кухню. Мобильник лежал на подоконнике. Он быстро, по памяти, набрал номер Вероники. Ее жеманный голосок, зазвучавший в трубке, мгновенно поднял ему настроение. Это как облизать сладкую ложку, вдохнуть аромат ванили и корицы, упасть в малиновые заросли. Это было ново, необычно, возбуждающе. Ему, очуметь, как нравилось!

Во всяком случае, пока.

Он так устал от Сашиной серьезности! От ее вечного анализа и воспоминаний! Она навешивала бирочки с пометками на каждый день, а потом требовала, чтобы он все это дерьмо помнил. А он не помнил, черт побери! И не хотел помнить! Он хотел двигаться вперед и искать радости в дне сегодняшнем, а не вчерашнем. Она печалилась, ныла, плакала, упрекала его в черствости. А в последнее время принялась угрожать.

– Все, Саша! Все... – поставил он у порога сумки с ее вещами. – Уходи! Я так больше не могу. Я хочу дышать полной грудью.

– А я... Разве я перекрываю тебе кислород? – Ее прекрасные карие глаза наполнились слезами.

– Начинается! – всплеснул он руками и поморщился. – Прекрати, наконец, манипулировать!

– Я не манипулирую, – пискнула она, подхватывая с пола одну из сумок.

– А твои слезы – это что, как не манипуляция?! – Он орал, сам не замечая этого. – Ты постоянно бьешь меня по слабым местам. Знаешь, как я не терплю, когда женщина плачет. И плачешь... И плачешь, мать твою, и плачешь!

Он озверел настолько, что выпихнул ее в распахнутую дверь и выкинул ей вслед вторую сумку. Он должен был это сделать, иначе бы размяк, и все пошло бы как прежде. Он выкинул

ее из квартиры. Не отвечал на ее звонки. Бежал к машине, если она подстерегала его у дверей офиса.

Так продолжалось почти неделю, а потом она куда-то подевалась. Перестала звонить, подстерегать, плакать и бросаться ему на шею. Он боялся радоваться и, стоило ему о ней подумать, плевал через левое плечо. В женских силуэтах у стеклянных дверей их фирмы он с опасением искал ее – Сашин. Но она не появлялась вот уже несколько дней. А потом пришел дядя полицейский и показал фотографии обезображенной мертвой девушки. Невостребованной девушки, которую никто не искал.

И что теперь? Что дальше?

Он вернулся в кухню, сгреб со стола посуду и сунул все в посудомоечную машину. Упаковки из кафе скомкал и убрал в пакет. Подумал и решил вынести мусор. Посторонние запахи грозили к утру превратиться в ужасную вонь.

Андрей достал из шкафа черный спортивный костюм. Оделся в теплую куртку и уги. Вышел из квартиры с мусорным пакетом в руке. На улице мело так сильно, что его следы от подъезда до мусорных контейнеров замело за минуту.

Мертвое тело, занесенное снегом. Никаких следов. Что еще там рассказывал навязчивый полицейский? Эта девушка может оказаться Сашей? Ее кто-то преследовал? Жаль, что не выслушал как следует. Ел, слушая хруст не прожаренного картофеля, и раздражался.

Неумно.

Он дошел до подъезда, но вдруг остановился и повернул в сторону автомобильной стоянки. Надо убедиться. Ему надо лично убедиться, что это либо так, либо не так. Саша уже несколько дней не дает о себе знать. Не появляется, не звонит. Это очень на нее непохоже. Она всегда была навязчивой. А тут вдруг...

Машина прогрелась мгновенно. По салону поползло тепло. Ветровое стекло оттаяло. Он тронул руль двумя пальцами, выезжая со стоянки. На немыслимо медленной скорости проехал по двору, потом через арку на ярко освещенную улицу. Влился в поток машин. На первом же светофоре потянулся за телефоном и набрал номер Саши. Сигнала не было. Тишина, и все. Что это могло значить? Она его отправила в «черный список»? Ладно, сейчас доедет до нее и все узнает. Езды двадцать минут.

– Алло, малыш, привет, – не выдержал он, снова набрав Веронику.

– Снова ты? – удивилась она.

– Да. Я.

– Что-то случилось?

– Нет, – подумав, ответил он, решив ничего ей пока не рассказывать.

– Точно?

– Точно. Звоню потому, что соскучился. Может... Может, я приеду к тебе?

– Ой, Андрюша, я после маски с жутко красным лицом, – пожаловалась Вероника. – К утру должно все пройти, но сейчас никак. Прости.

– Ничего.

Андрей свернул, потом еще и еще.

– Ничего, что до завтра? Или ничего, что лицо красное? – хмыкнула Вероника.

– А как бы тебе хотелось?

Он вдруг почувствовал, что начинает вязнуть в ее липких словах, как муха в варенье, и это настораживало. Он не любил бессмысленного словоблудия. Умных, книжных диалогов, которыми его потчевала Сашка, не терпел, но и таких не хотелось тоже.

– Мне бы хотелось, чтобы ты... – слишком растягивая гласные, произнесла Верника, – любил меня и с прыщами, и с красным лицом, и с прекрасным.

Вот это вряд ли!

Андрей едва не расхохотался в телефон. Никаких прыщей! Он всегда и во всем стремится к совершенству. Если Вероника не будет соответствовать, он без сожаления с ней расстанется. Он и с Сашей расстался, устав от нее, практически без сожаления, а она была окружена частоколом влиятельных родственников.

А Вероника что? Кроме модной внешности и гиперсексуальной активности ничего не имела. Ему нравилось с ней сейчас, на контрасте после Сашки. Но никто не обещает, что он станет ее терпеть бесконечно долго.

– Хм... Милая, разве мы не договаривались, что ты будешь держать меня на расстоянии от всяких там женских штучек? – начал Андрей вкрадчивым голосом. – Поверь, ты мне очень нравишься, нам хорошо вместе, но слушать разговоры о прыщах, фурункулах и черных точках я не стану. И еще... Да, я хочу тебя только прекрасной. Все разговоры про то, что и в радости, и в горе, это не мое. Ок?

И Вероника рассмеялась! Не психанула, не расплакалась, не потребовала извинений. Она рассыпалась тихим мелодичным смехом и произнесла дразнящим нежным голоском:

– Ок, милый. Рада признаться, что про радость и горе тоже не мое. Мы в этом с тобой похожи. Так что завтра жду тебя после двадцати ноль-ноль. И да... Я буду прекрасна!

Да, не идеальная схема отношений. Но она его устраивала. Все разговоры о преданности и долге он ненавидел. И если сейчас Саша откроет ему дверь своей квартиры, он повторит ей это снова и снова.

Если, конечно, откроет.

Глава 8

Маша дослушала хрустящий треск будильника, посидела, сторбившись, пять минут на краю кровати, встала и пошла в душ. Простояла под горячей водой дольше обычного. Спешить не было необходимости: ее смена начиналась в десять. Мария Яковлевна заступала с открытия и уходила сегодня пораньше. У нее к новому столу еще не все было приготовлено. Планировались гости.

У Маши гостей не будет. И сама она в гости не пойдет. В детском доме карантин. Все визиты запрещены.

– Прости, милая, никак не могу, – извинялась вчера вечером по телефону ее бывшая воспитательница. – Сейчас все так строго! Посидите с Танюшкой вдвоем. Пригласите друзей. К нам тогда на двадцать третье февраля, если все будет нормально. Пока, милая. Тане привет...

Она выслушала свою бывшую воспитательницу с кислым лицом и не стала рассказывать ей про то, что Таня куда-то подевалась – Инна Витальна тут же начнет причитать и вспоминать все прошлые Танькины прегрешения и бегства.

И про то, как ей захотелось на электричке покататься, и она укатила в соседнюю область, откуда ее доставили в полицейском «уазике». И про то, как решила наказать всех воспитателей детского дома, спрятавшись в соседнем ангаре и не выходя до тех пор, пока ее с собаками не стали искать волонтеры и полиция. И про то, как она высыпала пачку соли в огромную кастрюлю с компотом, оставив без него всех детей в полдник.

Много было прегрешений у Тани. От нее всегда можно было ждать сюрпризов. И волнуясь за нее поначалу, Маша мало-помалу успокоилась.

Явится! Может прямо под бой курантов ввалиться к ней с опухшим лицом от двухнедельного загула с каким-нибудь знакомым. Может на Рождество объявиться с подарками или без них. Не в ней было дело. Плевать!

Ей-то что делать сегодня после работы? Куда податься? Привычной встречи Нового года с чаем и пирогами, песнями и викторинами не будет. Придется сидеть одной в пустой квартире, а она даже елку не купила, сочтя это экономически нецелесообразным.

Это выражение было любимым у Игорька, вернее, стало им с некоторых пор. Где-то подхватил, не иначе, и втискивал теперь без особой нужды в разговор. А Маша позаимствовала.

Она вошла на кухню, включила радио – старенькое, но горластое – подарок покойной няни Сони. Поставила молоко в ковш на огонь, решив сварить себе каши на завтрак. Крупы было много. Она покупала только крупы, решив навсегда избавить себя от макарон. Хватило в детстве!

Она помешивала ложкой гречку быстрого приготовления, которая была особенно вкусна на молоке. В черном квадрате окна отражалась ее маленькая кухонька с мебелью, купленной на распродажах, большой календарь с котятками над обеденным столом и сама она – заспанная, растрепанная, недовольная. И никому не нужная, добавила она штрих к своему утреннему портрету.

– По только что поступившей к нам информации... – заговорило радио голосом ведущего утренних новостей, – подозреваемый в жестоком убийстве девушки в парковой зоне поселка Выхино задержан.

Маша удовлетворенно улыбнулась и послала приемнику воздушный поцелуй. Не без ее участия подозреваемый задержан. А ведущий об этом даже не знает. Обидно! Рассказывает о том, о чем не имеет ни малейшего представления. Рисует картинку убийства, называет даты. По бумажке считывает, а вот она!..

Маша выключила газ и переложила кашу в симпатичную бульонницу, доставшуюся ей даром. В отделе посуды, напротив ее гардеробной, была распродажа. Народу набилось! Эту

бульонницу уронили и откололи краешек. Совсем незаметно, а покупать никто не захотел. Товар списали за неликвидностью, а она забрала. Симпатичная такая посудина, пузатая, из хорошего фарфора с двумя ручками, с нежной росписью золотом по белоснежным бокам.

– Напоминаем, что данная информация до сих пор проверяется сотрудниками правоохранительных органов, – отвлек ее голос ведущего. – Тело девушки, найденное в конце декабря, а точнее...

Маша замерла. Встала столбом возле стола с посудиной горячей каши в руках, уставившись на большой календарь с милыми, играющими шерстяными клубками, котятами.

– Когда-когда?! – Ее глаза расширились от непонимания и невозможности поверить в то, что наговорил ведущий. – Ты что, дурак, что ли?! Какого, какого декабря?

Она швырнула бульонницу с кашей на стол, метнулась к приемнику, покрутила ручку громкости.

– Переходим к другим новостям, – разочаровал ее ведущий, заговорив об изменениях в расписании городского транспорта в грядущие праздники.

– Блин, блин, блин... – застонала она, закатывая глаза. – Этого не может быть! Это не так...

Маша покусала кулак – привычка, выпестованная сиротским детством. Она так делала, чтобы не заплакать, на радость обидчикам.

Она покосилась на мобильник. Тот лежал на подоконнике, матово поблескивая под стершимися ребрами. Ей надо было срочно позвонить и все проверить. Он ошибся, этот малый, голос которого ей всегда был неприятен. Он ошибся, а не она! И то, что полиция задержала подозреваемого – высокого симпатичного парня с фигурой атлета – никакая не ошибка. Это торжество справедливости – вот! И чуть позже она позвонит по телефону, который оставил ей мудрый майор Горелов. Сверит с ним даты, и в новом году – а он уже завтра – проснется с чистой совестью и чувством выполненного долга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.